

Охота на поросёнка

Григорий Шепелев

18+

Григорий Шепелев
Охота на поросёнка

«Автор»

1999

Шепелев Г. А.

Охота на поросёнка / Г. А. Шепелев — «Автор», 1999

Очень предприимчивая девушка Ольга, очутившись ночью в чужой квартире, становится свидетельницей такого странного происшествия, что едва не сходит с ума. Но самое невероятное ждёт её впереди, ведь с этой минуты вся её жизнь превращается в бесконечную, отчаянную попытку спастись от смерти...

© Шепелев Г. А., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Часть первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	15
Глава четвёртая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Григорий Шепелев

Охота на поросёнка

Вы легли на живот и убрали клыки...

В. Высоцкий

Вся эта история – вымысел.

Совпадения имён и фамилий её героев с именами и фамилиями реальных людей являются случайными.

Часть первая

Глава первая

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября тысяча девятьсот девяносто девятого года Москва хранила спокойствие. Злые языки утверждали, правда, что оно очень похоже на паралич, а самые злые пророчили третий взрыв, притом этой ночью, так как весь день все органы власти рапортовали, что ситуация – под контролем, бояться нечего. Довод злых языков казался весомым, поскольку это же самое столь же бодро звучало и накануне второго взрыва, на Каширском шоссе, который стал ещё более смертоносным, чем первый, заливший кровью Печатники. Тем не менее, москвичи не запаниковали, прельстившись, видимо, перспективой отправиться в иной мир не как доведётся, а под контролем. Ночь к фатализму располагала – лил дождь, выл ветер. Прожорливая и хитрая смерть по имени гексаген могла не бояться, что кто-то сквозь барабанную дробь воды услышит её шаги под своими окнами или встретится с ней глазами, даже если она прижмётся лицом к стеклу в дождевых потоках. Мало кто сомневался в том, что она ещё не насытилась и что вой сирен патрульных автомобилей, призраками шнырявших по пустым улицам, аппетита ей не испортит.

Во второй половине ночи один из призраков, белый Форд «Кроун Виктория» с буквами ППС, вырлив на Садовое кольцо с Нового Арбата, затормозил напротив жилого дома. Под его узким карнизом стояла, спиной прижавшись к стене, стройная блондинка на шпильках, одетая недвусмысленно: чулки, юбка выше колен, обтягивающая блузка. На плече у неё висела прямоугольная сумочка, во рту тлела длинная сигарета. При виде «Форда» глаза курильщицы сузились. Элегантно взяв сигарету средним и указательным пальцами и слегка округлив красивые губы, она пустила дым кольцами. Содержимое «Форда» почти минуту не подавало признаков жизни. Потом стекло его правой передней двери скользнуло вниз, и глазам блондинки предстало до тошноты знакомое ей лицо под низко надвинутым козырьком фуражки. Виднелся также погон с сержантскими лычками. Хищно глядя на девушку, но не узнавая её сквозь стену дождя, сержант подал голос:

– А ну-ка, поди сюда!

– Да пошёл ты, – отозвалась блондинка. Вытянув вперёд руку, она щелчком метнула окурок в сторону «Форда». Прицел был взят вполне точно, но порыв ветра отнёс окурок далеко влево.

– Да, ты был прав, она самая, – повернулся сержант к своему коллеге, сидевшему за рулём, – ты смотри, на стрижку денег добыла!

Затем он вновь обратился к девушке:

– Привет, Оля! А я тебя не узнал.

– Зачем же остановился? Думал, твоя жена тут стоит?

– Ты хорошо сделала, что сменила причёску! Чёлка тебе идёт. Без чёлки ты чем-то напоминала Натали Портман, а я её ненавижу.

Ольга горганным звуком изобразила, что её рвёт. Сержант засмеялся. Напарник что-то сказал ему.

– Сигаретку дай, – попросила Ольга, боясь, что они внезапно уедут.

– Ишь, чего захотела! А уколоться тебе не дать?

– Уколоться дочке своей оставь. Она это дело любит.

– Ой, можно подумать – вы с ней подруги!

– Нет, просто вместе сосём. Советую, кстати, давать ей деньги на презики.

– Дура ты, – обиделся страж порядка, – а я хотел тебя прокатить!

– Отвалил бы ты, – предложила Ольга, поняв, что курево ей не светит.

– А мы бы тебе взаправду ширнуться дали, если бы ты не была такой грубиянкой! – не унимался сержант.

– Говорю – отъезжай! Народ пугаешь.

– Какой народ при таких делах? Очумела, что ли? Москва как вымерла! Даже кошки попрятались.

– Господа офицеры, вы меня знаете! Если свистну – Москва подскочит и оживёт. А Борька здесь будет через секунду.

– Что он нам сделает, Борька твой?

– А он твоему полковнику свистнет, тебя попрут из ментов, другая работа тебе не светит – дебилов только в менты берут, и дочке твоей в натуре придётся сосать с проглотом – твоя жена не оплатит ей институт, поскольку жена у тебя – овца тупорылая!

– Ну а это откуда тебе известно? – спросил сержант и что-то шепнул водителю – вероятно, предполагаемый ответ своей собеседницы.

– Кто ж ещё за барана замуж пойдёт? – пожала плечами Ольга. Видимо, именно эти слова услышал водитель от своего напарника, так как они оба заготовали. Затем стекло поднялось, и «Форд», буксанув задними колёсами в луже, сорвался с места и с затихающим рёвом умчался вдаль по Садовому. Проводив его взглядом, Ольга шепнула:

– Мразь!

Ей понравилось, как звучит это слово. Она огляделась по сторонам, и, топнув ногой, заорала во всю мощь лёгких всему огромному городу, который уже пять лет давил её ощущением каменной безысходности:

– Мразь! Мразь! Мразь!

Грохочущим шаром перекатившись через Садовое, крик души миновал «Белград», со звоном ударился о высотки ростовской набережной, вернулся и троекратным эхом потряс Смоленский бульвар, на котором Ольга стояла. Она поёжилась. Мёртвый город дразнит её, раскрыв во всю ширь жёлтую, слюнявую пасть – сама, мол, такая!

Ветер пронизывал до костей. Подышав на пальцы, Ольга достала из сумочки предпоследнюю сигарету и закурила. Дымок приятно щекотнул ноздри. Жёлтое зарево над Москвой то вспыхивало, то меркло – быть может, по проводам, питающим фонари, неровно шёл ток, а быть может, у Ольги уже просто темнело в глазах от холода и усталости. Неподвижно стоять, прижавшись лопатками к ледяному бетону, было китайской пыткой. Карниз спасал от дождя с горем пополам, и то только в те минуты, когда не дул во всю силу ветер. До «Форда» напротив Ольги остановился только чёрный «Опель Омега». Из него свистнули.

– Свистни в ...! – предложила Ольга. Будь дело днём, ей бы не пришлось и рот открывать, чтоб «Опель» отчалил. Хватило бы только взгляда. От её взгляда пятились крокодилы в киевском зоопарке, куда она любила ходить, когда жила в Киеве. Это было ещё до школы. Зоопарк, школа, медтехникум и Москва! Какое однообразие!

После третьей затыжки Ольга тоскливо глянула на часы, висевшие возле МИДа. Они показывали два двадцать. Пальцы невольно сплющили фильтр. Неужели только двадцать минут назад было ровно два? Это закон подлости: гонишь время – минуты еле ползут! Тогда почему же годы летят – чем дальше, тем быстрее, словно вагоны набирающего ход поезда? В них уезжают навсегда люди, которых знала. Хорошие, плохие – важно ли это? Они – из прошлого. Оттуда, где живёт счастье.

Перелетев через тротуар, окурочок уплыл по бурной реке, струившейся вдоль бордюра. Пока Ольга размышляла, по каким улицам предстоит ему дальше плыть, на месте его падения очень резко затормозила жёлтая «Волга» с рекламой «Мальборо». Это было такси. Раздался гудок. Если бы у Ольги имелось сигарет пять, её размышления о судьбе окурка спокойно бы продолжались. Но – чего не было, того не было, и она, матеря свою старшую сестру, которая

приучила её курить, шагнула под дождь. Он прыгнул ей на спину диким зверем и так пронял, что сердце заныло.

Когда она подошла к такси, пассажир, сидевший рядом с водителем, опустил стекло. Это был небритый, крепкий чеченец лет тридцати пяти, с крупным носом, близко посаженными глазами и угловатой челюстью. На его мощной шее виднелась из-под расстёгнутого воротника рубашки массивная золотая цепь, а из небольшого кармана чёрной жилетки торчал мобильник с антенной. Но самое интересное было ближе! С запястья правой руки чеченца, положенной на стекло, свисал на ладонь браслет цены необыкновенной – россыпь сапфиров и бриллиантов на цельном золоте. Каждый камешек источал из своих глубин столько непохожего на далёкий киевский зоопарк, школу и всё прочее, что у Ольги маленько открылся рот. Она эротично оцепенела, забыв и про непогоду, и про курение. Наблюдая за нею, чеченец опустил руку. Потом сказал:

– Давай, лезь в машину! А то растаешь как Золушка.

– Как Снегурочка, – уточнил таксист с весёлой физиономией. Ольга стукнула каблучком. Поправив на плече сумочку, соскользнувшую вниз, она обратилась к чеченцу, как будто он сидел за рулём:

– Сверни в переулок направо, въехай во двор за домом и посигналь. К тебе сразу выведут толпу девок от сорока до ста долларов. Возьмёшь двух – заплатишь за полторы.

– Я тебя хочу, – возразил чеченец.

– Мне очень жаль, – ответила Ольга.

– Почему нет?

– А почему – да?

– Я деньги даю!

– А я не беру.

– Объясни причину.

– Во-первых, я на посту сейчас. А во-вторых, знаешь...

Вовремя вспомнив, что нужно выклянчить парочку сигарет, Ольга проглотила полезший из её рта национализм.

– Короче, я на посту.

– Сколько нужно денег, чтоб ты об этом забыла?

– Анальный секс – пятьсот долларов, минет – триста, – сказала Ольга с намерением закрыть тему – этот кавказец уже давил ей на психику.

– А нормальный секс?

– Не могу сегодня. Поэтому стою тут.

Чеченец задумался. Ольга ёжилась под дождём, стуча каблучком.

– Хорошо, согласен.

– На что?

– На пятьсот.

Ольга очень сильно насторожилась.

– Я так тебя возбуждаю?

– Да. Ты цену раз в пять завысила, но высокие женщины – моя слабость. Садись в машину!

Но Ольга не поспешила последовать приглашению. Она стала взвешивать за и против. Клиент внушал ей серьёзные опасения, но она решила: таксист запомнил его, запомнит её, так что на серьёзную глупость пассажир «Волги» вряд ли пойдёт. А всё остальное можно стерпеть за пятьсот зелёных. Главное – взять их сразу. С Борькой проблем не должно возникнуть – он к ней ни разу не подошёл. Значит, у него всё неплохо. Видимо, постоянные клиенты едут прямо на точку или заказывают девчонок по телефону, с доставкой. А если что, есть всегда отмазка железная: отморозки увезли силой.

– Ехать куда? – поинтересовалась Ольга.

– На Ленинский.

– А конкретно куда? В гостиницу?

– Нет, в квартиру. Я там живу.

Ольга задала последний вопрос не из любопытства. Прошлой весной два южанина притащили её в гостиницу «Спорт», где они и ещё полсотни их соплеменников занимали целый этаж. В такой вот компании Ольга прокуковала четыре дня, которые не сочла самыми прекрасными в своей жизни.

– Сколько вас будет?

– Один я буду, один! Этот человек – на работе. Таксист кивнул. Ольга на него даже не взглянула.

– Давай сюда пятьсот баксов.

– Нет при себе, из казино еду! Приедем – сразу получишь.

Почему Ольга, зная наверняка, что никаких денег не будет, всё-таки села в эту машину? Да потому, что вспомнила про браслет. Только и всего. Чеченец помог ей справиться с неподатливой дверью, толкнув её изнутри. И таким вот образом Ольга очутилась на заднем сиденье «Волги». Та сразу тронулась и рывками набрала скорость.

Печка функционировала неважно, но после трёх часов стояния под дождём о большем комфорте нельзя было и мечтать. Бросив сумку на пол, Ольга сняла намокшие туфли, затем – чулки, решив их отжать. Стягивая правый, она случайно разорвала его, проткнув ногтем. После недолгих переживаний оба чулка полетели вон из машины. Подняв стекло, Ольга растянулась на длинном мягком сиденье. С неё текли ручейки. Тепло шло по телу нежными волнами. Наползла дремота. Ольга начала мотать головой и хлопать глазами, чтоб не уснуть. Таксист особо не гнал. Чеченец курил, говоря то с ним, то с плавающей в блаженной истоме Ольгой. Та его слушала краем уха, но, пока ехали по кольцу, успела узнать, что зовут клиента Рамиль, что живёт он в Москве давно, занимаясь бизнесом, и играет с невероятным азартом – вот только что, например, оставил в «Бeverли-Хиллз» восемь тысяч долларов. А ещё Рамиль поведал о том, как два дня назад он попал в аварию на своем «Мерседесе»:

– Какой-то обкуренный идиот на «восьмёрке» летел по встречной! Странно, что он меня вообще заметил и вспомнил про педаль тормоза. Я-то попытался уйти, но всё-таки сшиблись. Менты оформили всё, и мы с ним разъехались. За ремонт в техцентре мне насчитали четыре тысячи. Трудно будет законным способом получить их с этого дурака! Гаишники сперва даже встали на его сторону, представляете? Мне пришлось попросить их заглянуть в правила и прочесть про двойную сплошную линию. Наверное, я и в суд приду тоже с книжкой...

– Хватит под дурака косить! – внезапно пробормотала Ольга из сладких недр дремоты. После этих слов, сказанных невольно, она очнулась, поняв, что зря их произнесла. И робко скосила взгляд на чеченца – вдруг не услышал? Но тот уже смотрел на неё в упор, круто повернув кудрявую голову. Смотрел так, что она забыла про всё на свете. Её душа опустилась в пятки, и они сильно похолодели. Через секунду Рамиль сидел уже в прежней позе, глядя вперёд. Таксист, судя по всему, ничего не понял. А Ольга, снова начав дышать, за эту секунду поняла всё. Голос интуиции, вдруг набрав обороты, как прочихавшийся двигатель, стал отстукивать раз за разом, всё с большей ясностью: человек с браслетом – не тот, за кого себя выдаёт.

Тогда кто он, кто? Для чего ломает комедию перед ней и перед таксистом – перед людьми, которым нет до него никакого дела, которые видят его впервые и никогда больше не увидят после того, как сделают своё дело и возьмут плату? Притом ломает старательно, изощрённо! Значит, он либо хочет использовать их в каких-нибудь страшных целях, либо за ним идут по свежему следу, и он старается тщательно его путать. Кто ж он такой? Шпион? Маньяк? Террорист? Тут Ольгу испепеляюще осенило... Взрывы домов! Ах, взрывы домов! И она зажала

ладонью рот, чтоб не завопить. Её округлившиеся глаза уставились на затылок клиента. Зачем она-то ему нужна? Чего он от неё хочет?

Даже и не пытаясь найти ответ на этот вопрос, однако нисколько не сомневаясь в том, что Рамиль её взял отнюдь не для развлечения, Ольга села. Её рука потянулась к двери. Другой рукой она взяла сумочку. «Волга» в эту минуту двигалась сквозь тоннель под Октябрьской. Зная, что за тоннелем последует замедляющий поворот направо, Ольга решила во время этого поворота выпрыгнуть из машины и убежать босиком. Таксист, разумеется, ни за что не станет её преследовать, если только Рамиль вдруг не пригрозит ему пистолетом. Но это было бы просто глупостью! Ведь понятно, что пассажиру нужна не именно она, Ольга, а просто девушка соответствующей наружности. Так что, главное – при прыжке из машины не сломать ногу, а убежать она убежит!

Когда «Волга», вынырнув из тоннеля, двинулась на подъём, Ольга потянула рычажок двери. Дверь приоткрылась. В машину ворвался ветер, но ни таксист, ни чеченец не повернулись. Должно быть, они подумали, что их спутница опустила стекло. Раздались щелчки поворотника. Сердце Ольги стучало примерно с такой же громкостью. Но быстрее. Едва таксист начал выворачивать руль, она высунула наружу левую ногу и приготовилась прыгать. Сумка была на её плече, а про свои туфли она и думать забыла. Но тут Рамиль поднял руку, желая взяться за ручку над дверью, и Ольгу вновь ослепил браслет. Чуть не зарывав от отчаяния, она втянула ногу обратно и со всей силой хлопнула дверью. Рамиль снова повернулся.

– Плохо была закрыта, – услышал он объяснение, и оно удовлетворило его.

На светофоре у памятника горела стрелка направо. Туда таксист и свернул, не сбавляя скорости. Дождь хлестал с прежней силой. Ольга, встав коленками на сиденье, сквозь пелену воды на заднем стекле провожала взглядом фонари Ленинского проспекта, бежавшие от неё в промозглую темноту. Все они среди полного безлюдья будто бы оживали, как памятники из сказки про Нильса. В их белых отсветах затопившая город лужа казалось невероятно глубокой. Дома, мерцающие рекламами, проплывали как корабли по посеребрённому луной морю. Странное дело – хотя браслет занимал все Ольгины мысли, край её подсознания щекотало что-то другое. Она как будто смутно ждала чего-то от этой так выразительно глядевшей на неё ночи. Чего-то большего, чем браслет.

– Вот этим-то хорошо, – заметил водитель при виде двух патрульных машин, которые пронеслись с сиренами по другой стороне проспекта, – они вконец обнаглели, пользуясь тем, что люди напуганы! Все тарифы выросли вдвое. Скорость превысил – плати им столько, будто бы ты взрывчатку под дом закладывал, а они тебя обезвредили! Это, видно, и есть борьба с терроризмом.

– Да, это она и есть, – подтвердил Рамиль.

В середине Ленинского таксист сделал разворот и свернул направо, в узкий проулок, затем – налево, в лабиринт тёмных и полутёмных дворов. Рамиль показывал путь, а Ольга старалась его запомнить, чтобы потом не плутать по этим дворам с браслетом. К её досаде, расположение зданий, помоек и гаражей было таким путаным, что запомнить ей удалось немного. Когда машина остановилась перед одним из подъездов длинной кирпичной многоэтажки, по телу Ольги снова прополз озноб. Она со всей силы стиснула кулаки, чтобы привести себя в чувство. Потом расстегнула сумочку. В ту минуту Рамиль расплачивался с водителем. Он ему отсчитал несколько купюр, шутливо уверив, что этой суммы должно хватить на два штрафа.

– Как бы не на один, – проворчал таксист, убирая деньги, – у этих сук аппетит растёт с каждым часом! Что, может, утром заехать, отвезти барышню? Сговоримся за полцены.

– Пожалуй, не нужно.

Во время этого разговора Ольга успела вынуть из сумочки клофелин, запрятанный под подкладку, сунуть его под лифчик и попытаться натянуть туфли. Именно попытаться.

– Ах, твою мать! – вскричала она, – Долбаные туфли не налезают!

– Почему вдруг? – не понял Рамиль.

– Потому, что мокрые! Да и ноги, кажется, отекли! Почти пять часов стояла.

Не прекращая ругаться, Ольга накинула на плечо ремень сумочки, взяла туфли, и, выпрыгнув из такси, босиком умчалась под козырёк подъезда. За три секунды дождь успел снова вымочить её всю. Двор был освещён тремя фонарями. Напротив дома располагались грибки, песочницы и качели детской площадки. К ней примыкали ряды ржавых гаражей. Трогуар вдоль дома был сплошь заставлен машинами.

Ольга ожидала клиента почти минуту, стоя на цыпочках. Она даже не сомневалась – он там даёт водителю ещё денег, чтоб тот навсегда забыл о нём и о ней. Но это её ни капли не беспокоило. Она чувствовала азарт. Выйдя из машины, которая сразу сорвалась с места и через миг скрылась за углом, чеченец спокойно, как под зонтом, зашагал к подъезду. Ростом он оказался ниже Ольги, даже когда она опустила пятки на ледяную ступеньку. И, кажется, её рост его в самом деле очень приятным образом впечатлял. Достав из кармана большую связку ключей, в которой имелось штук пять магнитных, он приложил один из последних к замку подъездной двери. Замок не сработал. Успокоительно улыбнувшись Ольге, Рамиль поднёс к нему другой ключ, по виду точно такой же. Раздался писк. Дверь открыла Ольга – так не терпелось ей очутиться опять в тепле. И они вошли.

Подъезд был чистый и светлый, словом – элитный. В лифте, который ждать себя не заставил, Ольга спросила клиента:

– Слушай, у тебя водка дома имеется?

– Да, имеется. И есть ещё кое-что получше.

Лифт, вздрогнув остановился. Створки разъехались.

– Это третий этаж? – уточнила Ольга, выйдя и оглядев площадку.

– Четвёртый.

Было накурено. Сигаретный дым вползал на площадку с лестницы, потому что дверь между ними была прикрыта неплотно. Рамиль захлопнул её и отпер другую, прямо напротив лифта. Она была металлическая. За нею располагался просторный холл с дверьми четырёх квартир. Его освещение не работало, и чеченец оставил общую дверь распахнутой, чтоб найти и открыть свою. Пока он возился с тремя замками, босая Ольга стояла сзади, куря последнюю сигарету и глядя по сторонам в надежде найти что-нибудь тяжёлое, хоть бутылку. Но холл был пуст. Идти к мусоропроводу, возле которого три бутылки стояли, она сочла чересчур рискованным.

Звон ключей не позволил Ольге расслышать, как заскрипела дверь между лестницей и площадкой. Тот, кто её открыл, ступал очень тихо. Услышав его шаги лишь тогда, когда он был уже совсем рядом, Ольга рассеянно повернула голову. Сигарета выпала у неё изо рта. Из рук выскользнули туфли.

Все три замка к этому моменту были уже открыты. Сунув ключи в карман, чеченец нажал на дверную ручку. Тут как раз Ольга и заорала. Так заорала, что весь подъезд, с первого этажа по двенадцатый, зазвенел раскатистым эхом. Но, как ни странно, Рамиль от такого вопля даже не вздрогнул. Он сделал только одно движение – повернулся на каблуках. Потом, разумеется, он застыл. Ему в лоб смотрел пистолет.

Спазмы задушили второй крик Ольги. Ловя ртом воздух, как предынфарктница, она крепко прижалась спиной к стене. При этом она с ужасом глядела только на чёрный «Вальтер», будто бы всё зависело от него, а не от того, кто его держал перед лбом Рамиля, профессионально опустив локоть и выгнув кисть. Рамилем, казалось, владело точно такое же впечатление. Он взирал в черноту ствола, как мышь в глаза кобры. Прежде чем Ольга вновь начала дышать, раздался спокойный голос:

– Дёрнешься – досвидос! Повторять не буду.

Предупреждение было обращено к чеченцу. Рамиль кивнул – Я, дескать, всё понял.

– Это касается и тебя, – сказал обладатель «Вальтера», бросив взгляд на съжившуюся Ольгу, – если ты хочешь уйти отсюда живой, не вздумай орать и слушай меня внимательно! Ты сейчас войдёшь в хату и включишь свет в прихожей, на кухне и во всех комнатах. Только быстро, не то башку тебе продырявлю! Всё поняла?

– Но я совершенно его не знаю! – залопотала Ольга, – я проститутка! Он меня взял полчаса назад, на Смоленском...

Она запнулась на полуслове, внезапно увидев «Вальтер» уже не сбоку, а спереди. Давя пальцем на спусковой крючок, незнакомец тихо, безрадостно сообщил:

– Ты мне начинаешь мешать...

– Не надо! – пискнула Ольга, поспешно делая шаг вперёд. Чеченец по приказанию незнакомца открыл дверь шире. Переступая через порог, Ольга умудрилась споткнуться. Не удержав равновесие, она с визгом плашмя растянулась на ковролине. Левую щиколотку пронзила сильная боль. Скрежеща зубами, Ольга кое-как встала, подобрала свою сумочку. Сделав шаг, она поняла, что у неё – вывих. Наступать на ногу было очень проблематично. Лютая злость обуяла Ольгу. Какого чёрта этим двум идиотам от неё нужно? Нашупав клавишу выключателя, она страшно по ней ударила кулаком. Свет вспыхнул, а выключатель пришёл в негодность. Так же расколотив остальные по всей квартире и даже не поглядев, нет ли в ней чего интересного, Ольга прихромала назад, к порогу. Хотела выйти, но незнакомец, не сводя взгляда и пистолета с Рамиля, сказал ей:

– Стой! А ты, чех, пошёл!

– Куда? – не понял Рамиль.

– Туда.

Этого короткого объяснения оказалось достаточно, и Рамиль шагнул за порог. Там он на секунду остановился, решая, куда направиться, и направился к ближней комнате. Незнакомец жестом приказал Ольге идти за ним. Ольга поплелась, выражая всем своим видом ненависть и презрение, потому что ей было плевать на всё, кроме острой боли в голеностопе. Вооружённый преступник, взяв её туфли, двинулся следом.

– Дурак, ты дверь не закрыл, – сказала она ему, когда вошли в комнату.

– Так иди и закрой! Но только учти, я бегаю быстро.

Ольга опять потащилась к прямоугольнику темноты, из которой плотно веяло дымом. Когда рука легла на дверную ручку, возникла мысль: а не позвонить ли к соседям, а вдруг откроют? Но, представив себя саму на месте соседей, Ольга забраковала эту идею. Тихо захлопнув дверь, она возвратилась в комнату.

Комната эта была просторная. Безмятежный с виду Рамиль стоял у окна, старательно соскребая ногтем пятнышко на манжете, а его враг – у двери, держа оружие стволом к полу. Справа от него заслонял всю стену огромный шкаф со множеством отделений. Слева располагались столик, диван, два кресла. Ближе к Рамилю стоял ещё один стол, двухъярусный, с видеоманитофоном и телевизором. Туфли Ольги валялись на полу там же. Неясно было, зачем налётчик их бросил через всю комнату. Ольга, впрочем, не стала ломать башку над этой загадкой. Доковыляв до дивана, она швырнула на него сумку и сама плюхнулась. Ей хватило одной секунды, чтоб приглядеться к преступнику и понять, что это за птица.

Она прекрасно знала профессиональных убийц и гопников. Ничего похожего близко не было. Двадцать лет. Повыше среднего роста, тощий. Джинсы, свитер, кроссовки. Бледная рожа с намариуаненными глазами и длинным носом. Конечно, это был дилетант, едва ли стрелявший из чего-либо, кроме рогатки. Но дилетант опасный – было понятно, что он с башкой не дружит совсем. Рамиль, судя по всему, придерживался такого же мнения. Счистив пятнышко, он сказал:

– Да, деньги у меня есть, ты правильно понял. И скажу больше – денег у меня много. Чего жалеть-то их? Забирай! Жизнь дороже денег.

– Браслетними, – произнёс налётчик. Услышав эти слова, Ольга ощутила такой прилив ненависти к нему, что ей стало жарко. Но она молча стиснула кулаки. Расстегнув браслет, чеченец швырнул его на диван, и Он придиванился в тридцати сантиметрах от бедра Ольги. Та двинула лишь зрачками. Мальчишка также не шевельнулся.

– Лавэ находятся в сейфе, – сказал Рамиль прежним тоном, зорко следя за незванным гостем, – и я его открою тебе. Другому бы не открыл, а тебе открою, поскольку ты, по всему виду, мужчина серьёзный. Но дай мне слово, что сразу же уберёшься, не причинив мне вреда. Клянусь тебе – никаких других денег у меня нету.

– Как это нету? – внезапно подала голос Ольга, встав как цунами, – А мне мои пятьсот баксов, сволочь? Быстро гоните мне мои деньги и делайте тут друг с другом чего хотите! Меня это не касается!

Эта сцена была отсмотрена с любопытством и удивлением.

– Она дура? – спросил налётчик Рамиля, переведя глаза с Ольги на него. Чеченец кивнул. Это было масло в огонь. Забыв про свой вывих, если не перелом, Ольга со стремительностью тигрицы и злобностью феминистки ринулась на грабителя, чтобы вырвать ему глаза. Но не тут-то было! Владелец «Вальтера» оказался редкостным подлецом. Он посмел не только с лёгкостью уклониться от смертоносных ногтей разгневанной женщины, но и дать ей отпор. Получив затрепину, Ольга кубарем покатила через всю комнату. Основательно приложившись к полу затылком, она несколько секунд лежала не двигаясь, потрясённая тем, что в бледном заморыше оказалась такая силища. Потом медленно поднялась, приложив ладонь к вздувающемуся уху. Мальчишка пристально наблюдал за ней. Ей стало понятно, что её поведение напугало его и он, несомненно, её пристрелит, если она ещё раз на него напрыгнет или поднимет шум. Пытаться разжалобить эту тварь не имело смысла. Но можно было попробовать важно сесть на диван как можно красивее. Сделав это, Ольга сказала:

– Хорошо, ладно! Давай мне триста, и разбегаемся.

– С таким ухом ты и на сто не тянешь, – ответил юный подлец.

– Особенно для тебя, Пассивного скотоложника, – не осталась Ольга в долгу.

– Так что, мы договорились? – Вдруг проявил лёгкую нервозность Рамиль, – Открываю сейф, забираешь деньги, и – разбегаемся навсегда! Без обид. Согласен?

– А сколько там?

– Шестьдесят кусков.

Ольга опять встала. Но на неё никто уж не обратил внимания.

– Постарайся не делать резких движений, – предупредил налётчик Рамиля. Тот, ничего не сказав в ответ, приблизился к шкафу и открыл дверцу среднего отделения. Выложив на диван пять или шесть свитеров, он просунул руку поглубже и надавил на заднюю стенку. Её аккуратно выпиленный кусок сперва накренился, затем упал, и Ольга увидела дверцу сейфа, вмонтированного в бетонную стену. Он имел два замка – кодовый с шестью кнопками и обычный. Достав ключи, Рамиль вставил один из них в замочную скважину, повернул, потом набрал код. И настал момент, с которого началась другая жизнь Ольги – такая, что не сойти с ума оказалось довольно сложно.

Глава вторая

Шестой звонок разбудил её. С плеском встав, она выпрыгнула из ванны, и, оставляя на полу мокрые следы, побежала в комнату, где стоял телефон. Стряхнув с пальцев пену, схватила трубку.

– Алло!

– Здравствуй, Верочка, – прозвучал из трубки слегка хриловатый голос с нотками нетерпения, – это я.

– Я тебя узнала. Ты говори быстрее, что тебе надо – я стою голая, и с меня течёт на паркет!

– Мне деньги нужны.

– Мне тоже.

– Ты продала товар?

– Нет, Конечно! Что за вопрос? Ты разве не знаешь, какой в Москве беспредел из-за этих взрывов? Ментов спустили с цепи по полной программе! Катька вчера спалилась!

– Что ты мне вешаешь? У тебя – десятки других концов!

– Но любой из них сейчас приведёт в СИЗО! Я ведь говорю – беспредел реальный творится! Жди, Олег, жди. Все нормализуется безусловно.

– Когда?

– Не знаю, как фишка ляжет.

– Верочка, я бандитам должен 50 тысяч!

– Ну, подождут и они. Тоже невеликие господа.

Плечом прижав трубку к уху, Верка присела на край дивана, взяла со столика сигареты, вытащила из книги Цветаевой зажигалку и закурила.

– Директор «Национали» хочет тебя, – сообщил Олег.

– Пускай запишется в очередь. Хочет он! Много кто кого хочет. И я тебя когда-то хотела, если ты помнишь.

– Он пообещал мне помочь, если я с тобой договорюсь.

– Нет, Олег, нет. Не договоришься.

– Ну, если так – договорюсь с тем, кого ты в этом году лихо киданула с Тайванем.

– Скоро ты сдохнешь.

Положив трубку, Верка долго сидела не шевелясь. Сигарета тлела. На пол текло. Из открытой форточки дул сквозняк. Телефон опять зазвонил. Сбив его со столика, Верка встала и пошла в ванную вытираться. Меньше чем через час она уже ехала в метро, сама не зная куда. Ей нужно было искать другую квартиру. В этой уже жила её смерть.

Глава третья

Рамиль сработал настолько молниеносно, что Ольга рта раскрыть не успела. Распахнув сейф, он выхватил из него «Парабеллум», с быстротой кошки прыгнул к дивану, беря врага на прицел, и – выстрелил раньше, чем приземлился. Но приземлился он уже трупом. Нажатие его пальца на спусковой крючок было конвульсивным, поскольку в этот момент свинец пробуравливал ему череп. Пуля из «Парабеллума» вгрызлась в стену над головой налётчика. Тот, хоть был застигнут врасплох, смог выстрелить раньше. На один миг. Ольга отрешённо, молча смотрела, как Рамиль, выронив пистолет, валился на телевизор, как телевизор с грохотом падал на пол, как из опрокидывающегося столика вываливался магнитофон, сыпались кассеты. Мертвец улёгся ничком на Ольгины туфли. Его кудрявый затылок был разворочен – пуля навывлет прошла сквозь голову.

С полминуты в квартире двигались только стрелки стенных часов. Потом потихоньку пришла в движение Ольга. Начав туманно осознавать, что произошло, она обратила взор на грабителя. Он стоял, слегка склонив башку набок, опустив пистолет и глядя на труп бессмысленными, пустыми глазами. Он не дрожал, не дышал как загнанная борзая, не стискивал пистолет до хруста суставов. Он неподвижно стоял и тупо смотрел. Казалось, его не сдвинул бы с места даже пожар. Ольга поняла – дикая случайность направила пулю, развесившую мозги Рамиля на шторе. Случайность из разряда тех, которые никогда никем в расчёт не берутся, так как их вероятность слишком ничтожна.

Первым движением Ольги после того, как ей пришла в голову эта мысль, был разворот к дивану с целью схватить браслет и дать дёру. Однако, протянув руку к свитерам, чтобы вытащить из-под них браслет, она вдруг заметила, что глаза убийцы как будто начали проясняться. Это остановило её. Смешно было думать, что он позволит ей убежать с браслетом! Как бы не так! Минуту назад этот идиот убил человека. Пусть неожиданно для себя самого, но он это сделал. Ему теперь терять нечего. Нужно было действовать раньше! Но, может быть, ещё и не всё потеряно? Продолжая приглядываться к мальчишке, Ольга спросила:

– Ты что, дурак, натворил?

– ... знает, – проговорил налётчик, растерянно поглядев на неё.

– Урод! Ты просто урод!

Парень промолчал. Он был озадачен. Ольга решила – нечего церемониться с ним. Он, конечно, больно дерётся, но сейчас сил у него, кажется, не больше, чем у Рамиля. Про пистолет в собственной руке этот недоумок даже не помнит, так что браслет – её. Открывая рот с целью сообщить грабителю эту новость, Ольга заметила, что он смотрит не на неё уже, а на шкаф. Она вся похолодела. О, боже! Сейф! Ну как можно было о нём забыть? Ольга повернулась на девяносто градусов так стремительно, что её ледяные пятки скрипнули по паркету. В сейфе, точно, лежали шесть толстых пачек сто долларовых купюр. А на них лежала компьютерная дискета.

От всей этой красоты у Ольги, в буквальном смысле, потекли слюни. Утерев рот, она бессознательно протянула руки к деньгам. Но в эту секунду произошёл кошмар. Зловещая тишина огромной квартиры треснула. Труп запел! Да, да, именно запел! Но не человеческим голосом и не человеческими словами, а механическим мёртвым писком, выстроенным в «Турецкий марш» Моцарта. Он звенел из Рамиля, как из музыкальной шкатулки – звенел настойчиво, громко, требовательно, как будто о чём-то предупреждая или кого-то зовя. Налётчик и Ольга, остолбенев, глядели на мертвеца. Если бы он встал и пошёл на них, чернея дырой во лбу, они бы сильнее не испугались. Им представлялось – смерть пищит из него, настойчиво требуя у кого-то ещё две жертвы.

Крик рвался из груди Ольги, но не мог вырваться – ужас крепко сжимал ей горло. Она бы, может быть, умерла, если бы проклятый «Турецкий марш» вдруг не оборвался за пару нот до финала. И вновь стал слышен шорох дождя за окном.

– Мобильник, – прошептал парень, тихо вздохнув. Стекланный взгляд Ольги вполз на него.

– М-мобильник?

– Да! У него в кармане.

– Дай закурить, – попросила Ольга после недолгой паузы. Парень вытащил из кармана пачку «LM». Очень осторожно, будто бы прикасаясь к покойнику, завладев одной сигаретой, Ольга достала из сумочки зажигалку и начала ею чиркать. Пальцы не слушались. Сигарета подрагивала во рту. Огонь всё не появлялся. Крутя колёсико, Ольга сломала ноготь большого пальца. На этой мелочи её страшное, шоковое спокойствие подскользнулось, как бык на наледи. Сигарета, не удержавшись между сведёнными судорогой губами, упала на пол, а зажигалка, в которой вдруг появилась трещина, полетела парню в лицо. Парень увернулся с такой поспешностью, будто это была отравленная стрела. Топаая ногами, Ольга заверещала:

– Ублюдок! Тварь! Идиот! Какого ты ... лез, если видел, что он пришёл не один? Полу-дурок, ...! Куда лез?

– Заткнись! – был ответ ей в тон, – я мог подловить его только здесь! А он, может, каждую ночь сюда ... возит! Я не в таком состоянии, чтоб бояться вместо одной тварюги прикончить двух!

– Это ты разбил его «Мерседес»? – Догадалась Ольга, быстро придя в себя. Её собеседник забегал и заорал:

– Четыре тысячи баксов! Где я их, ..., возьму? Я ему сказал: «Жди!». Не ждёт! Из принципа, ..., не ждёт, хоть у него в сейфе – шестьдесят тысяч! А мне машину заправить не на что! Мне бы завтра рёбра переломали, если бы я не принёс ему эти деньги! Завтра уже!

– Нечего по встречной гонять!

– Да пошла ты в жопу! Что ты меня жить учишь? Кто ты вообще такая? Почему все, кому даже в рожу плюнуть противно, лезут и лезут ко мне со своими долбанными советами? Я у вас их спрашиваю, уроды? Вам больше нечем заняться? Или ума очень до ...? Друг друга учите, что нужно делать, когда вы сами оказываетесь в заднице и готовы сколько угодно дерьма сожрать, чтоб из неё вылезти!

– Всё понятно, – жёстко сказала Ольга, не видя необходимости продолжать дискуссию с идиотом, – Незачем так орать, кругом люди спят! Делим эти баксы и разбегаемся.

– Ты получишь свои пятьсот.

– Ой, какой красавец! – подпрыгнула от восторга Ольга, – а ты получишь свои пятнадцать! Усиленного режима. Ты знаешь, как называется то, что ты сотворил? Убийство с разбоем при отягчающих. Плюс к тому – незаконное владение пистолетом. Или ты думаешь, что сумеешь меня убить? Да я тебе шпалер твой сейчас в жопу вставлю!

И Ольга двинулась на грабителя. Тот попятился, осознав, что теперь махать кулаками без толку – к нему шла уже не тигрица, а дьяволица. Поднять оружие он не смел. Приблизившись, Ольга схватила «Вальтер» двумя руками и со всей силы рванула его к себе. Налётчик качнулся, но пистолета не выпустил.

– Отдай, сука, – хрипло проговорила Ольга, пробуя распрямить его пальцы, сжимавшие рукоятку, – кому сказала? Отдай!

– Зачем он тебе?

– Я уже сказала! Чего, тупой?

– Не отдам!

Она попыталась выкрутить пистолет из его руки, но какое там! Легче было бы выкрутить телеграфный столб из асфальта. Попытка парня достичь победы аналогичным способом также

не увенчалась успехом. Силы были равны. Набрав полный рот слюны, Ольга хорошенько плюнула в лицо парню. Тот уклонился и захотел ответить ей тем же, но в этот миг вдруг случилось самое интересное. Зачирикал дверной звонок.

Драчуны застыли, хоть и не сразу поняли, что настало время мириться. Звонок прервался. Но тотчас раздался снова. И лишь тогда, полубессознательно поглядев друг другу в глаза, налётчик и Ольга одновременно вспомнили, что входная дверь, которая отделяла их в данную минуту от катастрофы, не заперта! Стоило тому или тем, кто за ней стоял, нажать ручку...

– Господи, боже мой! – прошептала Ольга. Выпустив пистолет, она приложила руки к лицу. Звонок опять смолк, опять зачирикал. Налётчик вышел из комнаты, и сейчас же Ольга услышала его радостное сопение. Он увидел, что на двери есть задвижка. Пользуясь тем, что звонок продолжал громко щебетать, грабитель тихонько вдвинул её в стальную дверную раму. Потом он припал к глазку. Ольга наблюдала за ним сквозь пальцы. Пятый звонок звучал нестерпимо долго. Во время паузы между ним и шестым за дверью послышались голоса.

– Кто там, твою мать? – чуть слышно пискнула Ольга. Выпрямившись, налётчик вернулся в комнату и кривым от нервного напряжения ртом дал страшный ответ:

– Чеченцы.

– Ох! Сколько их?

– Откуда я знаю? Там темнота!

Ольга устремилась к окну. Слегка сдвинув штору, глянула вниз. Там, прямо перед подъездом, стоял большой чёрный джип с включёнными фарами.

– Там какой-то бандитский джип! – Прошептала Ольга, задёрнув штору и подбежав к налётчику.

– Хорошо, что не танк, – задумчиво бросил тот. Это идиотство Ольге не по душе пришлось. Крепко схватив парня за воротник и встряхнув, она объявила ему сквозь сжатые зубы:

– Сука! Клянусь тебе – если ты не вырулишь ситуацию, я тебя...

Тут она запнулась, решая, чем этакую тварь можно напугать. Наконец, придумала.

– Я тебя женю на своей сестре!

Не переставая звонить, неожиданные визитёры начали долбить дверь ногами и кулаками, а также и дёргать ручку. Они, как видно, нисколько не сомневались в том, что хозяин – дома, и что им есть о чём с ним потолковать. Вырвавшись из рук помертвевшей от страха Ольги, налётчик снова выбежал в коридор и замер, взяв на прицел лязгающую дверь. Удары по ней сотрясали стену.

– Что делать, господа, что же делать? – Со всхлипами простонала Ольга, заломив руки. Налётчик, не оборачиваясь, ответил:

– Тихо! Прорвёмся.

– Прорвёмся? Да чтоб ты сдох, урод! Чтоб ты сдох!

Звонок надрывался. Дверь содрогалась. По этажу гуляли два эха: Одно – от грохота, а другое – от гневных выкриков по-чеченски. Ольга, скуля, металась по комнате, как лиса по курятнику, к выходу из которого подошла снаружи собака. Парень стоял в воинственной позе, откинув голову с припотевшею ко лбу чёлкой, сжимая «Вальтер» белыми пальцами и стеклянно глядя на дверь.

К счастью для неё и для тех, кого она разделяла, жильцы соседних квартир гурьбой из них вышли и пригрозили вызвать милицию. Обругав их матом, злостные нарушители тишины покинули холл. Спустя какое-то время донёсся гул приближающегося лифта. Продолжая высказывать обитателям трёх квартир своё о них мнение, дети гор транспортировались вниз. Жильцы, тихо обсудив то, что произошло у них в холле, а заодно ситуацию во всём городе, разошлись.

– За джипом следи! – заорал налётчик, влетая в комнату, – шевелись, а то пристрелю!

– Заткнись, – огрызнулась Ольга и поплелась к окну, шатаясь как пьяная. А грабитель, полный невесть откуда взявшейся удали, осмотрелся, схватил с дивана Ольгину сумочку, вытряхнул прямо на пол всё, что в ней было – обычное содержимое женской сумочки плюс десяток презервативов, и, подбежав с нею к сейфу, быстро переложил из него в неё сперва деньги, потом – дискету. Застегнув сумочку, ещё раз покрутил башкой. Ему на глаза попался валявшийся возле столика «Парабеллум». Налётчик его поднял, сперва запихнув за пояс свой пистолет, туда же просунул вражеский и прикрыл их свитером.

– Три мужика из подъезда вышли и сели в джип, – доложила Ольга, глядя в окно.

– Он отъехал?

– Нет.

– Твою мать! Но нам всё равно надо убираться. Надевай туфли!

– А ты их достанешь из-под него? – прошипела Ольга, скорчив страшную рожу и указав на тело Рамиля.

– Если достану, ты их наденешь?

– Да ни за что на свете! Придурок! На хрен ты их швырнул сюда?

– Чтоб они не путались под ногами!

– Ну и баран! Не вздумай их доставать! Пойду босиком. Дай сумку!

Прежде чем открыть дверь, налётчик прислушался. Покидая следом за ним квартиру, Ольга в последний раз оглянулась на своего клиента. С порога были видны только его ноги в чёрных ботинках. Ей показалось, что они дёрнулись. Не иначе, Рамиль решил приподняться, чтоб проводить её взглядом!

Общая дверь была опять заперта. К счастью, с внутренней стороны она запиралась только щеколдой. Лифт вызывать налётчик не стал, направился к лестнице. Ольга побежала за ним, очень хорошо его понимая. Она охотнее провела бы минуту на раскалённой сковородке, чем рядом с квартирой, которую только что покинула.

– Обними меня, – попросил убийца, когда они спустились к подъездной двери, – гуляем, типа, под звёздами!

– Идиот! Дождь хлещет! Какие звёзды?

Грабитель в ответ заметил, что, может быть, пара звёзд всё-таки найдётся. Без всякой нежности обхватив его талию, Ольга вдруг почувствовала ком в горле. Ещё бы: в сумке – шестьдесят тысяч, а жизнь висит на тоненьком волоске! Виновник того и этого, между тем, нажал кнопку, толкнул тяжёлую дверь, и в подъезд ворвался яркий свет фар. Огромный «Ниссан Патрол» стоял у самых ступенек. Дождь оглушительно барабанил по его крыше. Наклонив головы, чтобы не захлебнуться, Ольга и её спутник по щиколотку в воде миновали джип, свернули направо и побрели, вздымая ногами волны, вдоль тротуара, заставленного машинами. И ему, и ей безумно хотелось прибавить шагу, но им казалось, что это вызовет подозрение. Парни в «Ниссане», должно быть, были согласны с тем, что быстро идти под сильным дождём – дело подозрительное, а еле плестись под ним, да ещё в обнимку, как это делали босоногая Ольга и её, с позволения сказать, товарищ – дело вполне естественное, и благодаря этому совпадению взглядов двум беглецам удалось дойти до угла. Свернув за него, они бросились бежать во весь дух.

Налётчик придерживался какого-то направления. Его спутнице не пришлось особо раздумывать, по пути ли ей с ним, так как он схватился за ремень сумки. Ему в кроссовках бежалось легче, и он Тянул Ольгу за собою. Миновав два или три двора, они перешли на шаг и вскоре остановились перед белой «Восьмёркой» с вмятиной на крыле. Она была припаркована у помойки, под фонарём. Оглядев окрестности, парень вытащил из кармана пульт с парочкой ключей и нажал на кнопку. Машина пискнула, замигав габаритами. Открыв Ольге правую дверь, вымокший грабитель сказал:

– Садись!

Ольга, задыхаясь, ответила:

– Нет, спасибо! У меня денег вполне достаточно для того, чтобы не садиться в машины к разным уродам. Давай-ка мне их сюда, и – прощай навеки!

– Я взял ещё и дискету, – возразил парень, – если чечены за ней в квартиру ломались – ты представляешь, как они будут её искать?

– Ну так и отдай её им! А хочешь, засунь её себе в жопу. Меня это не касается!

– А чего ты так испугалась? Уж если я тебя не грохнул в чужой квартире, в своей машине точно не грохну! У нас – большая проблема. Нужно о чём-то договориться!

– Да не боюсь я тебя, – усмехнулась Ольга, и, сев в машину, сильно хлопнула дверью. В конце концов, решила она, нужно хорошенько подумать, куда идти босиком, да с чёртовой кучей мокрушных денег, по предрассветной Москве, усиленно патрулируемой! К тому же, ещё и ливень не прекращается. Разглядев белеющую под ручником пачку сигарет, Ольга извлекла из неё одну, включила прикуриватель. Владелец авто, тем временем, сел за руль и, запихнув ключ в замок зажигания, также взял сигарету. Уставившись на потоки воды, бегущие по стеклу, они закурили. Дождь совершенно скрывал окружающее пространство.

– Странно, нога у меня прошла, – промолвила Ольга, ощупывая лодыжку, – не понимаю, когда сустав встал на место?

– Когда ты по полу кувыркалась.

Ольга подумала и признала, что, видимо, так и есть. А затем спросила:

– Так что ты хотел сказать?

– Куда ты сейчас пойдёшь?

– Твоё-то какое свинячье дело? Я ведь тебя не спрашиваю, куда ты сейчас поедешь!

– Но я убил человека! И если тебя возьмут за твою шикарную жопу, ты меня сдашь.

– Хорошо, отвечу тебе. Я сейчас пойду в какой-нибудь круглосуточный магазин – на Ленинском их полно, куплю приличные шмотки, выпью две чашки кофе и закажу такси в Шереметьево. Через три часа меня в России не будет.

– Как бы не так! Уже через два часа твои и мои портреты будут у всех постовых ментов. А регистрационные службы аэропортов получают их ещё раньше. Чеченцы нас очень хорошо разглядели, когда мы шли мимо джипа! Одно стекло опустилось даже, заметила? Они скоро поймут, что с Рамилом случилось что-то неладное, и ментам позвонят. Менты войдут в хату, и дело быстро завертится!

– Твою мать, – прошептала Ольга, решив, что дело, скорее всего, уже завертелось.

– Где он тебя подцепил? – спросил парень.

– Около МИДа. Я там работаю.

– В МИДе?

– Нет. Около него.

– А кто-нибудь видел, как он тебя снимал?

– Таксист, с которым он ехал. Этот таксист сюда нас привёз.

– Отлично! Менты таксиста найдут, он скажет, где ты стояла, они тряхнут сутенёров, те всё про тебя расскажут, подруг твоих назовут, и – вилы тебе, куда б ты ни сунулась!

– Ну и что ты мне предлагаешь делать? – спросила Ольга, раздавив в пепельнице ещё достаточно длинную сигарету.

– Я предлагаю поехать ко мне домой и там отсидеться. Менты не смогут на меня выйти, я засветился только перед чеченцами! Найти кого-то в пятнадцатимиллионном городе по описанию внешности нереально.

– Трудно. А ты один живёшь?

– Да, один.

– Своя у тебя квартира или снимаешь?

– Своя. В Сокольниках.

Ольга думала полминуты. Конечно же, этот странный парень был прав. Следя за его рукой, гасящей окурки, она спросила:

– И долго мне придётся торчать в твоей идиотской квартире?

– За пару дней я точно придумаю что-нибудь. Послушай, мы здесь дождёмся, когда менты все улицы перекроют! Ты едешь?

– За тридцать тысяч? Даже с таким уродом, как ты – да хоть на край света!

– А я с тобой и за сорок тысяч не согласился бы ехать даже до следующей помойки, – сказал налётчик, взявшись за ключ.

– Так зачем же едешь?

– Дискета стоит дороже.

Дав Ольге такой ответ, недисциплинированный водитель завёл мотор, включил дворники, дальний свет, и, резко сорвав автомобиль с места, погнал его по глубоким лужам дворов. Он знал их расположение. Не успела Ольга зевнуть и вынуть из пачки ещё одну сигарету, как перед ней опять вспыхнули огни Ленинского проспекта. С брызгами вырулив на него, опасный преступник добавил скорости, и «восьмёрка» с воем помчалась навстречу ветру, вгрызаясь в дождь, как торпеда в морские волны. Дорога была пуста. Щётки на стекле почти не справлялись с ливневым шквалом, но псих с двумя пистолетами не давал дрожащей стрелке спидометра опускаться ниже ста десяти. На всех перекрёстках горел зелёный. Ольга сонно курила, глядя, как кошку, сумку с деньгами. Но удивительно – не они владели её сознанием, а всё тот же страшный и завораживающий взгляд ночи. Она ещё не закончилась, эта ночь, хотя уже было без десяти четыре! Огни Москвы, размазанные дождём, звенели как колокольчики, навивая призрачную тоску по чему-то более дальнему, чем пределы земных дорог. Это чувство было Ольге знакомо. Больше того – порой она им жила.

Лихим виражом обогнув Октябрьскую площадь, по всей ширине которой, казалось, было разлито кипящее молоко, бизнес-партнёр Ольги выехал на Садовое. Оно сплошь мигало жёлтыми пятнами светофоров – работал хоть бы один. Дождь в эту минуту пошёл на убыль, и парень выжал сто сорок. В тоннеле под Павелецкой его стремительно обогнал роскошный белый «Пассат». Едва не сбив зеркало о «восьмёрку», он моментально растаял в багряном сумраке. В миг обгона парень с испугу ударил по тормозам, отдав тем самым машину во власть инерции. Та её закружила, грозя ударить о стену с яркими лампами. Визг колодок заставил Ольгу, уснувшую с сигаретой во рту, очнуться и завизжать ещё громче. Смерть приближалась к ней со скоростью пули, уныло глядя сотнями электрических глаз на шероховатом бетоне. Он разорвал бы машину в клочья, если бы в последний момент водитель каким-то чудом её не выровнял, сделав правильные движения педалями и рулём. Вновь сцепившись с асфальтом, машина вырвалась из тоннеля.

– Я ж тебе не принцесса Диана, урод ты чёртов! – крикнула Ольга, шаря руками по полу, – у меня сигарета выпала!

– Хер бы с ней.

– Хер бы с твоей тачкой! Огнетушитель есть?

Но огнетушитель не пригодился. До поворота на Яузскую набережную Ольга успела ещё разок задремать. Ей приснился сон – море, солнце, тёплый песок. Она лежала на нём совершенно голая, сквозь ресницы глядя на облака. Вдруг одно из них стало тучей и громыхнуло:

– Менты!

Море испарилось. Солнце исчезло. Все облака превратились в тучи над ночным городом. Дождь едва моросил. Машина звенела, прыгая по раздолбанному асфальту. Слева чернела лента реки с гранитными берегами. А впереди, рядом с припаркованным на обочине милицейским «Фордом», блестели светоотражающие ремни и ствол автомата. Тот, на чьём плече он висел, очень походил на военный памятник, потому что, судя по его взгляду на приближающуюся «восьмёрку», он собирался броситься под неё со связкой гранат.

– В глаза ему не смотри, – спокойно сказала Ольга. Но было поздно – парень уже нажимал на тормоз, хоть памятник на машину метнул не связку гранат, а световой лучик, подняв специальный жезл. Приткнувшись к обочине, остановленный опустил стекло. Ольга притворилась, что спит. Гаишник не торопился. Он сперва закурил, потом подошёл вразвалочку и спросил, ткнув жезлом во вмятину:

– Кого сбили?

– Дерево, – сказал парень.

– Ну что же, это бывает. Справочку об аварии предъявите.

– Я её дома забыл! На днях переехал, все документы перемешались в разных местах.

– И это бывает.

Сплюнув, инспектор движением головы указал на «Форд».

– В машину садись, пожалуйста.

Интонация возражений не допускала. Пока мокрушник медленно шёл к патрульному «Форду», а офицер смотрел ему вслед, Ольга запихнула сумочку под сиденье, вынула из лифчика клофелин, и, пользуясь тем, что стекло опущено, энергичным щелчком отправила флакон в реку.

За рулём «Форда» спал, надвинув на самый нос козырёк фуражки, старлей. Разбуженный хлопком двери, он потянулся, чуть приподнял козырёк и взял у налётчика документы. На техталон и права он едва взглянул, но зато техпаспорт подвергся неимоверно долгому изучению. Парень даже подумал, что офицер вновь уснул. Но нет – отложив техпаспорт, тот опять взял двумя пальцами техталон и проговорил, будто размышляя о чём-то вслух:

– Талон государственного технического осмотра транспортного средства должен располагаться в правом нижнем углу ветрового стекла транспортного средства. Так почему нарушаем, Сергей Анатольевич?

– Да какая разница, где находится техталон? – возразил владелец мятой машины, – ведь главное, что он есть!

– Его у вас нет, – широко зевая, буркнул старлей, – это не талон, а туфта.

– Да с чего вы взяли?

– Машина какого года? Девяносто шестого. В девяносто восьмом должны были дать талон по двухтысячный. А у тебя – по девяносто девятый. Фальшивка это.

– Этот талон мне сделал мой друг, капитан ГАИ Восточного округа, – заявил Серёжка, – а как он сделал его, не знаю.

– Ну и дурак, что не знаешь, – бросил старлей, без трепета восприняв информацию о дружке – капитане. Постучав пальцем по техталону, прибавил, – Тот, кто не знает, на чём он ездит, не может знать, куда он приедет!

– Техталон выдал мне капитан ГАИ, – гнул своё Серёжка.

– Ну, а проблемы имеешь ты! Подделка талона – это статья.

– Но я его не подделывал!

– Ты его используешь. Но тебе повезло, потому что если я вызову оперов, то мне придётся их ждать. А я не хочу их ждать, так как у меня кончается смена. Поэтому ограничимся снятием номеров с машины.

Возникла пауза.

– С какой стати? – прервал её нарушитель.

– Эксплуатация транспортного средства, не прошедшего техосмотр, запрещена, – объяснил старлей и вновь стал разглядывать документы. Он не спешил.

– А штраф заплатить нельзя? – негромко спросил Серёжка. Он думал, будет обычный цирк – мол, нет, не возьму, однако старлей почему-то сразу сказал:

– Давай.

– А сколько? Полтинник?

– Ну, это просто смешно! Давай уж хотя бы полтинник за каждый номер.

– То есть, семьдесят пять?

– Серёга, я после бессонной ночи шуток не понимаю! Сотку давай и вали отсюда.

– Это грабёж среди бела дня!

– Кому уехать надо – вам или мне? – спросил офицер, впервые взглянув в глаза собеседнику. Тот занудно признал:

– Ну, мне.

– А куда вам надо уехать – в следственный изолятор или своей дорогой?

Серёжка молча достал из кармана брюк сторулёвку и протянул её офицеру. Тот, к ней не прикоснувшись, выдвинул пепельницу. Она была набита купюрами. Присоединив к ним свою, Сергей поинтересовался:

– А это правда туфта?

Надвинув на нос фуражку и вновь начав засыпать, офицер промямлил:

– Серёга, я тебе отвечаю: Это – туфта. И туфта опасная.

После этих слов из-под козырька фуражки раздался храп.

– Что им надо было? – спросила Ольга, когда Сергей вернулся в свою машину.

– Денег срубить.

– За что?

– За то, что они ублюдки.

Ольга, не склонная с этим спорить, ушла в какие-то размышления. Разогнав машину, Сергей включил Хит-FM. Москва, светлея под звёздами, вспыхивающими среди разрываемых ветром туч, хранила почти могильную тишину. В этой тишине звериный рёв Ольги прозвучал страшно.

– Браслет! Браслет!

Отчаянно схватив руль, Ольга крутанула его к себе. Машину поволокло к обочине. Это произошло на улице Радио.

– Уймись, дура! – Крикнул Серёжка, одной рукой пытаясь выровнять руль, а другой борясь с рыдающей пассажиркой, – Убери руки, ...! Ты что делаешь?

– Поворачивай! Поворачивай! – выла Ольга, захлёбываясь слезами, что ей совсем не мешало осатанело драться за руль, – я тебя убью!

– Ты что, с ума сошла? Пристрелю! Угомонись, сука! В квартире уже менты!

– Он нарочно бросил на него своё барахло! – с истеричным хохотом прокричала Ольга, отпустив руль. Не переставая смеяться, она вонзила зубы в своё запястье. Боль и вкус крови вернули ей здравомыслие. Тщательно облизав ни в чём не повинную свою руку, она закрыла лицо ладонями.

– Хватит с нас и того, что взяли, – сказал Сергей спустя две минуты, въезжая на Электроводский мост.

– Закрыли тему навеки, понял? – хрипло проговорила Ольга, опустив руки. Невидящими глазами она смотрела на коммерческие ларьки, мелькавшие вдоль извилистой улицы, по которой машина мчалась в тихую глубь Сокольников. За крутым поворотом влево, куда с другой стороны сворачивали трамвайные рельсы, открылся чисто провинциальный пейзаж – пустыри, деревья, редкие фонари над узкой дорогой. Свернув с неё в тесный дворик пятиэтажного дома, Серёжка ловко припарковался между двумя машинами. Пока он глушил мотор и вытаскивал магнитолу, Ольга, взяв сумку, вышла.

Дул сильный ветер. Рассвет ещё не забрезжил. Идя с Серёжкой к подъезду, Ольга спросила:

– Ты точно живёшь один?

– С тараканами.

– Твою мать! Я, кажется, заболела. Меня знобит.

– Ты смотри, не сдохни! Куда я дену твой труп?

– Сожрешь.

Подъезд показался Ольге ещё более провинциальным, чем двор. От более точной оценки его спасла темнота. Сбивая бутылки, стоявшие на ступенях лестницы, поднялись на второй этаж. Квартира, крепкую дверь которой Серёга отпер двумя ключами, не уступала лестнице изобилием стеклотары. Особенно много пустых бутылок было на кухне, где, судя по прочим признакам, состоялось мероприятие с парой – тройкой особ прекрасного пола. В прихожей, кроме бутылок, наличествовали лишь вешалка с зимней курткой и телефон на небольшой тумбочке. Дверь единственной комнаты, вся обклеенная страничками из «Плейбоя», была закрыта. Пока Сергей запирает наружную дверь, Ольга запихнула сумку под тумбочку, прошла в ванную, и, раздевшись, встала под тёплый душ. Озноб сразу прекратился. Вскоре вошёл Серёжка. Он был в других штанах и сухой футболке. Его предрассветный взгляд, сходу налетев на голую Ольгу, не оживился.

– Чего тебе? – поинтересовалась она, закрыв себя шторкой. Он не ответил. Сняв с вешалки полотенце, начал старательно вытирать башку.

– У тебя есть имя? – спросила Ольга, делая воду погорячее.

– Конечно, есть.

– Ты мог бы его озвучить? Если двум людям предстоит спать на одной кровати, им лучше звать друг друга по именам, чем просто «эй, ты!»

– Сергей.

– Очень неприятно. А меня Оля зовут.

– Какой идиот тебя так назвал?

– Папа. Он идиот, это правда, но до тебя ему – как до звёзд. Серёженька, принеси мне одну из своих рубашек! Только не слишком рваную, если это возможно.

Сергей принёс не только рубашку, но и вельветовые штаны.

– Отлично, – сказала Ольга, закрутив краны, – повесь их на батарею. Слушай, а водка у тебя есть?

– Да, где-то была.

– Найди мне её! Иначе я сейчас буду пить твою кровь.

Штаны оказались Ольге узки, рубашка – широковата. Она их всё же надела, за неимением лучшего, и пошла босиком на кухню. Серёжка ставил на стол поллитровку водки, две рюмки, тарелку с нарезанной колбасой и банку с томатами.

– Это всё? – возмутилась Ольга, сев к столу боком, поскольку лучший из стульев именно так и стоял в углу у окна.

– Нет, есть ещё хлеб.

Ольга промолчала. Нарезав хлеб, Сергей положил на стол пару вилок, и, вскрыв бутылку, наполнил рюмки. Пили не чокаясь. Стукнув по столу пустой рюмкой, Ольга сделала бутерброд и съела его, как ей показалось, с приличной скоростью. Но Серёжка за это время успел съесть два.

– Ты медленней жри! – разозлилась Ольга, – мне что останется?

Выпили по второй. Предоставив Ольге уничтожить колбасу, Серёжка запил томатным рассолом, после чего притащил из комнаты сигареты и зажигалку.

– Ты пьяный был, когда выезжал на встречу? – спросила Ольга, прикуривая.

– Да нет.

– Так да или нет?

Сергей закурил.

– Ну с Кириллом дунули по чуть-чуть.

– Молодцы какие!

– А Рамиль сам был обдолбанный. Мусора перед ним стелились просто как суки рваные!

– Это были гаишники?

– Нет, простые муниципалы остановились. Рамиль отвёл их в сторонку, поболтал с ними. Один, я слышал, спросил: «Что, точно ГАИ не нужно?» Рамиль сказал, что не нужно. Они свалили.

– А что же было потом?

– Потом он переписал с паспорта мой адрес и записал телефон, а мне свой оставил, домашний. Мобильный дать почему-то не захотел. И так мы разъехались. Я помчался сразу к Кириллу и попросил пробить телефонный номер по базе. Кирилл пробил и назвал мне адрес. Вечером Рамиль звонит мне и говорит – Четыре тысячи долларов, два дня срока, на третий включаю счётчик. Сказал ещё, что он дома бывает после двух ночи. И бросил трубку. Меня взбесил этот разговор! На другой день я взял у Кирилла шпалер и ночью двинул на Ленинский. Полчаса стоял у подъезда, пока не вышла девка какая-то. Я вошёл и обосновался на лестнице. Через час подъехали вы с Рамилем. Дальше ты знаешь.

– Угу. А как ты сумел его пристрелить? Ведь он – профессионал.

– У меня был первый юношеский разряд по стрельбе из короткоствола. Сразу же после школы я это дело забросил. Но год назад Кирилл сделался совладельцем тира, и я с тех пор хожу туда регулярно.

Ольга испытывала уже нешуточный интерес к этому удивительному Кириллу. Но у неё было правило: бей вопросом только в десятку. А никакой десятки пока что не наблюдалось.

– Так что, сейчас я стреляю где-то на уровне КМС, – закончил Серёжка и плеснул водки в рюмки.

– А у меня был первый юношеский разряд по Дзюдо, – похвасталась Ольга. Сделав затяжку, она прибавила:

– Идиот! За четыре тысячи баксов не убивают.

– Ну, это смотря кого.

– Никого! За такие деньги просто не убивают.

– А за какие деньги, по-твоему, убивают?

– Я никогда серьёзно не размышляла на эту тему, – соврала Ольга, давя в пустой тарелке бычок, – давай, что ли, выпьем!

Сказано – сделано. Жуя хлеб, Ольга привязалась к Серёжке снова:

– А ты реально шёл его убивать? Или просто грабить?

– Я сам не знал, – признался Серёжка.

– Но ты же, хоть и придурок, должен был понимать, что если оставить его в живых – он тебя в живых не оставит, так как ему известны все твои данные!

– Я не был уверен в том, что смогу его ухандокать. К счастью, он мне помог.

– Так куда ж ты шёл, твою мать, если не был уверен в главном?

– А не пошла бы ты в жопу? Что за допрос?

– Мне не безразлично психическое состояние человека, с которым я буду спать в одной комнате.

– Ну, тогда спи на лестнице, – огрызнулся Серёжка. Съев помидор, продолжил:

– Я ничего не имею против чеченцев, они – ребята нормальные. Я немного с ними работал, и у меня два друга – чеченцы. Но этот самый Рамиль был просто убийца. Я это знаю. Да, он меня запугал, но ведь я не девка, чтоб вставать раком!

– Значит, из вас двоих пассивный – Кирилл? – тут же лупанула Ольга в десятку. Серёжка ответил матом. Потом вскочил и забежал из угла в угол, при этом громко сопя. Ноздри у него раздувались. Он был взбешён. Желая с ним помириться, Ольга спросила:

– Что вы с Кириллом курите?

– А твоё-то какое свинячье дело? Ты подментованная?

– Да что ты вдруг так завёлся? Сядь и остынь. Погляди, какие у меня ножки! Можно даже потрогать.

Ольга задрала ноги на табуретку, стоявшую перед нею, и потянула штанины. Мельком взглянув на её лодыжки, Серёжка сел.

– Это у тебя от рождения? – помолчал, улыбнулась Ольга.

– Что?

– Гомосятина.

– Ты уж лучше заткнулась бы!

– Сам заткнись! А то в рыло дам.

Некоторое время прошло в безмолвии. А потом, наполняя рюмки, Серёжка тихо сказал:

– Меня просто очень сильно волнует эта дискета.

– Дискета?

– Да. Ведь она...

Серёжка остановился, глядя, как Ольга опорожняет рюмку, и выпил всё из своей. Сделав два глотка рассола из банки, Ольга спросила:

– А ты уверен, что есть о чём волноваться?

– Да. Когда мы с Рамилем стояли там, на шоссе, у него зазвонил мобильник. Не тот, который ты слышала, а другой. Рамиль взял звонок и заговорил по-французски. А я до восьмого класса учился во французской спецшколе. Много, правда, уже не помню...

– Так что говорил Рамиль? – перебила Ольга. Серёжка взял сигарету, и, закурив, ответил:

– Он давал интервью французской радиостанции. Говорил о взрывах в Москве. Доказывал, что чеченцы к ним непричастны. Описывал ситуацию на Кавказе долго и путано. Под конец бросил такую фразу: «Я сделал всё от меня зависящее, чтобы предотвратить вторую войну, но президент Ельцин меня услышать не захотел!»

– Ни хрена себе, – прошептала Ольга, похолодев, – вот это сюрприз! Кто же он такой?

– Он – один из тех, кто сейчас владеет Чечнёй. Или их прямой представитель. Он говорил с французами вовсе даже не как бандит, а как настоящий политик, разруливающий мировые проблемы! Ты представляешь, сколько стоит дискета из его сейфа?

Ольге вдруг вспомнилось, как она прервала Рамиля словами: «Хватит под дурака косить!», как он поглядел на неё и какие мысли пришли ей в голову. То, что сказал Серёжка, не совпадало с ними, но представлялось гораздо более убедительным. Разливая по рюмкам остатки водки, Ольга спросила:

– А как узнать, сколько она стоит? И как найти покупателя?

– Покупатель сам нас найдёт, если мы промедлим. И вот тогда нам будет очень херово.

– Нам будет ещё херовее, если мы предпримем хоть один шаг, хоть на миллиметр высу-немся наружу с этой дискетой! Нас тут же грохнут.

– Да уж, это точно, – признал Серёжка.

– Так как нам быть?

– Нам нужен посредник, который сумеет всё разузнать и грамотно повернуть это дело.

– Мать твою драть! За это возьмётся только самоубийца или скурившийся недоумок вроде тебя.

– За это возьмётся тот, у кого есть крыша, – не согласился Серёжка, гася окурочек.

– Вот идиот! Да какая крыша спасёт того, кто хочет продать компромат на Кремль?

– Если это действительно компромат на Кремль, в чём я уверен процентов на девяносто пять, то спасёт только одна крыша – кремлёвская.

– Что за бред?

– Ты можешь не твякать, пока я не завершу свою мысль? Внутри гоп-компании, которую ты подразумеваешь под словом «Кремль», есть конфликт интересов.

– Ах, твою мать? Откуда ты понабрался этих премудростей? От Кирилла, что ли?

– Не только. Короче, там есть разные люди с разными интересами, работающие на разных хозяев.

– Ну, и что дальше? Где взять посредника? Ты знаком с человеком, который прямо участвует в этих играх?

– Нет, – признался Серёжка после короткого размышления, вероятно, перебрав в памяти всех своих корешей, – но Кирилл, возможно, знаком.

– Ты меня запудрил своим Кириллом! Кто он такой?

Прежде чем ответить, Серёжка выпил полрюмки водки. Последний оставшийся помидор он уступил Ольге. Та его съела, опорожнив свою рюмку, после чего закинула одну ногу на подоконник и повторила вопрос:

– Так кто он такой? Можно без подробностей. То, что он – из Гомельской области, я уже поняла.

– Нет, он из Лефортово. Мы с ним знаем друг друга с детского сада.

– Вы ещё там друг друга poznали?

– Его отец занимает высокий пост, – продолжал Серёжка, – не помню, где – то ли в министерстве каком-то, то ли в Госдуме. А это кое-что значит!

– Насколько ты ему доверяешь?

– Сложный вопрос. Процента на полтора. Но это неважно. Главное – то, что я его знаю. А у него есть связи даже в Администрации президента, если не брешет. Он точно сможет закинуть удочку в нужный омут.

– И не отдать тебе рыбку, – вставила Ольга.

– Отдаст, куда не денется. Только рыбку с ним разделить придётся.

– Да это козе понятно! Ты объясни мне другое. Допустим, у нас в руках – компромат на какую-то нереально крутую личность. Допустим, мы нашли покупателя. Где гарантия, что он нас не грохнет в ту же минуту? Как твой Кирилл нас обезопасит? Он – всего-навсего сын какого-то там начальника! Этот самый начальник, может, ботинки чистит той нереальной личности!

– Если мы предложим дискету тому, кому она угрожает, нас точно грохнут. А если мы, например, предложим её какому-нибудь богатому аферисту, шанс выжить есть. Смысл ему от нас избавляться? Лишние хлопоты. А миллиона полтора долларов – это для него то же, что для тебя – пятьдесят рублей. Отдаст, не задумываясь! Я знаю такого кекса. Все его знают.

– И кто же он?

– Борис Березовский. Слышала о нём?

– Да, – отозвалась Ольга, пристально глядя на холодильник, – это человек страшный.

– Это человек умный! Кирилл считает его великим.

Ольга зевнула, потом взяла сигарету и начала катать её между пальцами, сонно глядя в окошко. За ним белела заря. Город наполнялся шумом моторов.

– Моего шефа тоже звать Боря, – вспомнила Ольга, – он тоже хитрый. Может, ему позвонить?

– Вот дура! Если ты это сделаешь, через двадцать минут мы будем в наручниках! Всех, с кем ты хоть однажды, хоть на одну минуту пересекалась, возьмут сегодня за горло. В этом ты даже не сомневайся. Нам нужен только Кирилл. Как только он просечёт, какими деньгами пахнет – горы начнет сворачивать! Это точно.

– Какой процент он возьмёт?

– Откуда я знаю?

– Так может, я как-нибудь безналично с ним рассчитаюсь? Или там всё тотально?

И Ольга пьяно хихикнула. Поглядев на неё, Серёжка спросил:

– Ты чёрту с огненным ... за рубль дашь?

– Это тебе, что ли? Нормально ты меня клеишь!

– Да больно ты мне нужна, панночка Солоха!

Ольга икнула.

– О! Как ты догадался, откуда я?

– Очень просто. Когда ты говоришь о деньгах, у тебя акцент пробивается.

– А когда ты говоришь о своем Кирилле...

– Я пошёл спать, – перебил Серёжка, поднявшись из-за стола, – ещё раз предупреждаю: чтоб к телефону не прикасалась! Квартиру вычислят мигом.

– Кого ты учишь, сучонок? – стукнула Ольга пяткой по подоконнику, – мелкий сраный уродец! Ты понимаешь, кого ты учишь?

– Свинью.

– Ты хочешь ругаться? А тебе плохо не станет?

– А у тебя второе ухо не вздуется?

– Ты, подонок, ещё за первое не ответил! И если я тебе про него не напоминаю – это не значит, что ты можешь быть спокоен за свою жопу.

Серёжка молча ушёл. Его оппонентка, очень довольная, что последнее слово осталось всё же за ней, опустила ноги, допила водку из второй рюмки и закурила. Солнце ещё не всплыло над крышами. Но его лучи уже пронизали небо. Под окнами раздавался шорох метлы по асфальту. Вспомнив услышанный ещё в детском саду анекдот про дворника, который сбивал с ритма весь Париж, Ольга рассмеялась, встала, качаясь, выплюнула окурок в мусорное ведро и пошла к Серёжке. Сумки под тумбочкой уже не было. В комнате царил полумрак – оконные занавески были задёрнуты. Нарушитель дорожных правил и уголовного кодекса тихо спал на диване, свернувшись под одеялом. Предметы его одежды были разбросаны по всей комнате. Ольга, не раздеваясь, легла с ним рядом и задалась вопросом: сбежала бы она с сумкой, если бы та всё ещё лежала на прежнем месте, или осталась бы? Не сумев сделать выбор, она сочла себя заболевшей чем-то тяжелым и с этой мыслью уснула.

Глава четвёртая

Ольге снится: идёт она с полной сумкой долларов по Москве, и вдруг, откуда ни возьмись – мент. «Ваши документики предъявите!» А у неё – украинский паспорт и никаких других денег нет, кроме долларов. Отдала сто зелёных. Мент исчезает. Подваливает второй, с теми же словами. Сумка становится легче ещё на одну купюру. А за вторым возникает третий. Глотая слёзы, Ольга опять достаёт сто долларов. Четвёртый уже ни слова не говорит, просто тянет руку. Ольга решает поймать такси. Оглядевшись, с ужасом видит – менты бегут к ней со всех сторон, становятся в очередь за деньгами. До горизонта – одни сплошные фуражки.

На этом месте Серёжка дёрнул ногой, тем самым заставив Ольгу проснуться в очередной и последний раз. Он поминутно брыкался. Видимо, ему тоже снились менты, а быть может – и что-то более страшное. Ольга в буквальном смысле отбила об него локоть. Злясь на себя за то, что оставила сумку с долларами во сне, она приняла сидячее положение. И – увидела уголок этой самой сумки, выглядывающий из-под подушки, которая была смята мотающейся Серёжиной головой. Перед Ольгой вновь встал вопрос: а что им двоим, то есть ей и сумке, здесь делать? Но, хорошенько взвесив все за и против, она решила выбросить это из головы. Её уже часов десять разыскивают спецслужбы! Серёжка прав: все её знакомые – на крючке, город патрулируется усиленно. Далеко ли она уйдёт со своей добычей? Едва ли дальше соседней улицы.

Часы на дисплее видеоманитофона показывали пятнадцать пятьдесят пять. Ольга опустила ноги на пыльный пол и приподняла занавеску. Опять шёл дождь – правда, мелкий. День глядел из-под туч, как из-под бровей. Сквозь серую хмарь заспанным глазам Ольги предстал едва ли не самый тихий уголок города. За двором, покрытым жёлтой листвой, тянулась ухаби-стая дорога. Дома стояли только с одной её стороны, поэтому Ольга их не увидела. За дорогой располагалась стройка, имевшая обречённый, убогий вид. Далее простирался лес или что-то вроде того. Сквозь него, звеня, полз трамвай. Далеко за лесом виднелись многоэтажки. Шум транспортного потока был едва слышен.

От такой панорамы Ольге опять захотелось спать. Зевая, она окинула взглядом комнату. Комната была довольно большая. Кроме дивана, в ней находились два стула, кресло, комодик, столик с видеодвойкой, шкаф, гардероб и зеркало. На всём этом густо лежала пыль. Только на постели лежал Серёжка. Он продолжал буянить во сне. Взглянув на него с презрением, Ольга встала, и, потянувшись, ушла на кухню. Там она покурила, потом от нечего делать сгребла бутылки под стол, помыла посуду, и, обнаружив баночку растворимого кофе, включила чайник. Кофе оказался хорошим. Отхлёбывая его из эмалированной кружки, Ольга задумалась ни о чём.

Ей было двадцать пять лет. Последние пять она провела в Москве, играя в разные игры. Сперва везло. Везло так, что у прочих подобных ей искательниц приключений и шальных денег слюнки текли от зависти. Началось с того, что её приятель, директор крупного казино, заинтересовал разом прокуратуру и молодых людей в красных пиджаках. И та, и те попросили Ольгу помочь. Она согласилась, однако больше помогла тем, поняв, что они порядочнее. И не прогадала. Взяв с её помощью полтора миллиона долларов, они щедро с ней поделились и предложили ещё два дела, совсем иного характера. Она справилась без труда. Её гонорар составил двести пятьдесят тысяч. Сто пятьдесят мгновенно осели в кассах бутиков и ювелирных, а сто пошли на отели, клубы и кокаин. Но вскоре случился крах. Выполняя очередное поручение, Ольга, оскорблённая тоном, которым были даны инструкции, соблазнилась возможностью сразу взять нереальный куш. Для этого требовалось немного – приоткрыть кое-кому карты своих хозяев. Однако, те оказались не дураками. Отхаркав кровь и отдав им всё, что у неё

было, Ольга нашла приют у старых знакомых. Несколько дней она размышляла, как поступить – начать всё сначала или же разом со всем покончить. Решила начать сначала. И начала. Сперва – возле Химок, на Ленинградке. Через неделю ей удалось перебраться в центр, к «Метелице». Но конца этому началу не было видно даже оттуда. Новый Арбат сменился Тверской, Тверская – Лубянской, та – Китай-городом и Охотным рядом. Потом пошли Садовая-Самотечная, Павелецкая, вновь Тверская и вновь кольцо, но на этот раз – Смоленский бульвар, откуда Рамиль её и забрал. Похоже было, навеки.

Ольга допивала вторую кружку, когда явился Серёжка в одних трусах, лохматый и злой.

– Пурга какая-то снилась, – сообщил он, сев на табуретку и почесав затылок.

– Аналогично, – бросила Ольга.

– Кириллу надо звонить, – продолжал Серёжка.

– Звони.

– Не очень хочу я ему звонить.

– Тогда не звони.

– Да пошла ты знаешь куда?

– Иди сам туда со своим Кириллом.

Не отвечая, Серёжка встал, приблизился к телефону, снял с него трубку и набрал номер.

– Алло, Кирилл! Это я. Нормально. То есть, не очень. Нет, не могу. Ты едешь домой? Заскочи ко мне. Да, да, ещё как! Привези пожрать. Ну да, из Макдональдса. Кирилл, слушай, купишь у меня баксы? Да по какому угодно курсу! Договорились.

Положив трубку, Серёжка вернулся в кухню, снова уселся и закурил.

– У тебя нет денег? – спросила Ольга.

– Менту вчера последние 100 рублей отдал! Чтоб он подавился.

– Ну и баран.

– Сама ты овца!

– Послушай, – сделав глоток, произнесла Ольга, – а может, я всё-таки позвоню Борису на сотовый, с улицы? Он не сможет понять, где я нахожусь, а мне станет ясно, взяли его за задницу или нет.

– На сотовый с таксофона можно, – сказал Серёжка, подумав.

– Когда звонить пойдём?

– Я не знаю! Какая разница?

С сигаретой во рту Серёжка опять поднялся, достал из шкафчика кружку с ложкой и сделал кофе. Бросив в него несколько кусков сахара, стал размешивать. Ольга видела, что его грызёт какая-то мысль, и не сомневалась, что он озвучит её. Наконец, услышала:

– Дура, ...! Надо ж было так заорать вчера в холле!

– Ну а чего ты хотел от женщины, выныривая чёрт знает откуда с такой вот рожей и с пистолетом в руке? Я и обосраться могла!

– При чём здесь моё лицо?

– Да при том, что рожа у тебя – глупая! А я больше всего боюсь дураков. Да, не сволочей, не бандитов – их действия предугадать можно, а именно дураков! Никогда не знаешь, чего от них ожидать. Дурак может выкинуть что угодно, в любой момент и на ровном месте! Без повода! А дурак со шпалером – это вообще финиш. Это куда страшнее, чем обезьяна с ядерным пультом!

– Ну всё, заткнись! Умная! Ты своим поросёчьим визгом весь подъезд на ноги подняла. Соседи наверняка меня рассмотрели через дверные глазки!

– Ты ещё глупее, чем кажешься! В холле было темно. Да если б тебя взаправду увидели с пистолетом, ментов бы вызвали!

– Потому и не вызвали, что увидели, на кого пистолет направлен! Такому делу мешать желающих не нашлось. Но ментам потом меня описали.

– Задолбал бредить! Ты хорошо рассмотрел чеченцев через глазок?

Против такого довода у Серёжки не было возражений. Его лицо сделалось ещё злее.

– Кроме того, – продолжила Ольга, взяв сигарету и закурив, – ты сам говорил, что на тебя нет никаких зацепок, кроме описания внешности, по которому невозможно вычислить человека в огромном городе. Так какая разница, пять человек опишут тебя или, скажем, десять? Ты лучше вспомни, где мы могли ещё проколоться!

– Если начнут опрашивать всех гаишников, которые дежурили вчера ночью... – начал Серёга, отхлебнув кофе.

– Бред! Очередной бред! Ты им взятку дал! Они про тебя под пыткой не скажут.

– Да, это точно! Что-то я торможу спросонок.

– Твои просонки меня уже задолбали, укуренный ты придурок!

Серёжка, видимо, успокоился. Стряхнув пепел, промолвил:

– Чёртов Кирилл! Одно дело – тёлка с ним драть и шмалять, а другое дело...

Ольга зевнула так, будто захотела съесть холодильник. Допив свой приторный кофе и докурив, Серёжка подался обратно в комнату. Там он сел на диван, взял пульт, включил телевизор и начал листать каналы. По НТВ давали сводку военных действий. Российские самолёты бомбили Грозный. По MTV плясал Рики Мартин. Первый канал показывал драку депутатов в Госдуме. По РТР выступал известный политик. Его лицо расплывалось на весь экран. Он нудно доказывал, что если за него в декабре не проголосуют, начнётся ядерная война. Слушая его, её и хотелось ради разнообразия. А на третьем канале другой политик, тарашка шизофренические глаза, орал, что все кругом сволочи и подонки, один он – честный.

– Слушай, а почему ты один живёшь? – поинтересовалась Ольга, заходя в комнату.

– Прошлым летом я разменял с родителями трёхкомнатную квартиру, – сказал Серёжка.

– Будь я на месте твоих родителей...

– Иди на ...!

Ольга уселась рядом со своим собеседником. Тот опять включил РТР. Политик с лицом шириной в экран говорил, что только он знает, как уберечь Россию от голода.

– А ну, выруби эту жирную суку!

Серёжка вырубил. На видеомagniтофоне лежала колода карт. Ольга их взяла. Предложила:

– Давай сыграем!

– Во что?

– Да мне всё равно. Можно в дурака.

– А на что?

– Не знаю.

– Давай на деньги? У нас их – полная сумка.

– Нет, – отказалась Ольга, – на деньги мне не везёт. Давай лучше так: Проигрываешь – даёшь мне сто баксов из твоей доли, выигрываешь – даю тебе в любой позе. Согласен?

– Презиков нет.

– У меня есть справка от венеролога!

– Покажи.

– Она лежит дома!

– Жопа у тебя лежит дома.

– Ты мне не веришь? Но на каком основании?

– Паранойя.

– Тьфу на тебя! Ты не параноик, а недоразвитое животное! Так на что мы будем играть?

– Что ты придолбалась? Ладно, я ставлю на кон сто баксов.

– Но я ведь тебе сказала, что не играю на деньги!

– Мне твои деньги и не нужны. Если проиграешь, откроешь Кириллу голая.

– Во дурак! – усмехнулась Ольга, – Ладно, сдавай.

Смеркалось. Играли быстро. Ольге карта не шла, а Серёжка брал одних козырей. Под конец игры он, осыпаясь бранью Ольги, сидевшей с веером карт, поднялся и включил свет. Тут заулюлюкал дверной звонок.

– Мы ещё не кончили! – Всполошилась Ольга, бросая на одеяло очень похожую на неё саму даму трэф. Серёжка её отбил козырной шестёркой. Это была последняя его карта. Ольга, гримасничая, вскочила, сняла рубашку, штаны, и, сочно белея голыми ягодицами, побежала к наружной двери.

Открыв её, раздетая копия дамы трэф мысленно признала, что обвинений в педерастии, которые она выдвигала против Серёжки, он не заслуживал. Его друг Кирилл оказался женщиной. И не просто женщиной, а красивой знойной брюнеткой в коктейльном платье. При виде голой блондинки, нисколько не уступавшей ей красотой, она изумилась. Но к изумлению в тот же миг примешалась злоба, явственно отразившаяся в огромных чёрных глазах. Испепеляюще обведя ими Ольгу от пальцев ног до бровей, смуглая красавица рассмеялась с ноткой истерики, и, сжав тонкими пальцами зонтик-тросточку, недовольно уцокала вниз по лестнице.

– Он ушёл, – сообщила Ольга, вернувшись в комнату.

– Как ушёл? – не понял Серёжка. Он суетливо накидывал на подушку край одеяла, желая скрыть торчавший из-под неё уголок сумочки.

– Так, ушёл, – повторила Ольга, – Слушай, а кто он – транссексуал или всё-таки трансвестит? Если трансвестит, то, значит, я не ошиблась, вы оба – гномики.

– Ты о ком?

– О твоём Кирилле! Он очень странный! Взял и ушёл. Еды не принёс.

Тут звонок раздался опять. И на этот раз Серёжка побежал к двери сам. Пока он щёлкал замками, Ольга, опять надев рубашку и брюки, легла ничком на диван. Разговор, донёсшийся из прихожей после того, как открылась дверь, её озадачил.

– Что-то я не услышал, как ты подъехал, – сказал Серёжка своему гостю.

– Я поменял глушитель, – ответил тот хриловатым пацанским голосом и прибавил, – слушай, я сейчас встретил Ирку твою. Вы что, помирились?

– Ирку?

– Ну, да.

– Где ты её встретил?

– Так ведь она из подъезда вышла!

– Когда?

– Сейчас.

– Ирка сейчас вышла из моего подъезда?

– Да.

Помолчав, Серёжка сказал:

– Всё ясно.

И ввёл приятеля в комнату. Ольга, которой также стало всё ясно, чуть повернула голову, чтоб увидеть подлинного Кирилла. Он оказался повыше Серёжки ростом, шире его, лицом поприятнее. Стрижку имел короткую. На нём был очень дорогой спортивный костюм, Кожаная куртка, кроссовки. В одной руке он держал ключи, барсетку и телефон, а в другой – пакет из Макдональдса.

– Вот такая история, – произнёс Серёжка, – Прикинь?

Не сводя глаз с Ольги, Кирилл сложил всё то, чем были заняты его руки, на столик и опустился в кресло. Нагло прищурился.

– Ага! Ясенько. Шлюху трахаешь? Вот скотина!

– А ты кому завидуешь – ему или шлюхе? – вяло спросила Ольга.

– Я вам обоим сочувствую.

– Ну, естественно! Нам до вас, зоофилов – как до луны!

– Всё, хватит, – с досадой сказал Серёжка. Тут же усевшись на край дивана, он закурил и вкратце поведал Кириллу о своих подвигах, начиная с аварии и кончая взяткой гаишнику на Яузской набережной. Умолчал он только о том, что в сейфе Рамиля, кроме дискеты, лежали деньги.

– Ну, ты кретин! – вознегодовал Кирилл, дослушав рассказ, – кретин, каких я ещё не видел. Из-за такой ерунды в такое дерьмо полез! Хлопушку мою спалил! Она ведь не левая, с регистрацией на меня. Сказал бы мне сразу, что у тебя случилось, и я бы решил проблему. Нет, пистолет ему подавай! Как ты теперь будешь расхлёбываться с мокрухой? Тёлка ещё вплелась! Короче, Серёга, нарыл ты себе проблем. А какая польза от всего этого?

– Ты прикалываешься? – воскликнул Серёжка, гася окурок, – я ведь сказал про дискету!

– Да, может, ей – грош цена! Ты скажи мне честно, в сейфе ещё чего-нибудь было?

– Две с половиной тысячи долларов.

– Ха! Серёга! Если бы там лежало пятьдесят тысяч – я бы, пожалуй, серьёзно отнёсся к этой дискете.

– Кирилл! Во-первых – дискету, которая ни черта не стоит, в сейф не кладут. Во-вторых, Рамиль был крупной фигурой.

– Серёга! Я это выясню. Для этого мне придётся сделать только один звонок. А дискету дашь?

– Кирилл! Нет. Ты сделай этот звонок, и тогда посмотрим.

– Серёга! Ты идиот. Поедем сейчас ко мне, да и поглядим, что на ней! Тогда станет ясно, от какой печки плясать.

– Кирилл! Этого не будет. Я не хочу, чтобы ты сейчас много знал.

– Серёга! Ты просто конченный. Хорошо, давай так: поедem ко мне, сядешь за компьютер, а я из комнаты выйду. Такой расклад для тебя приемлем?

– Кирилл! Так тоже нельзя. Придётся ведь брать с собой эту шваль, а она засвечена. Ты сам знаешь, сколько ментов на улицах! А оставить её одну – это ещё хуже. Самый вменяемый вариант – подождать до завтра. Возможно, что-то само нарисуеться. Это может случиться, если дискету активно ищут. А ты пока постарайся выяснить, кем был этот Рамиль, чем он занимался, какие были у него связи. Тогда уж будет понятно, куда закидывать удочку. Если что, посмотрим дискету завтра.

Ольга, лежавшая сверху жопой, согнула ноги и стала ими качать. Кирилл и Серёжка на них уставились.

– Напиши мне где-нибудь всё, что знаешь об этом чехе, – произнёс первый, больше следя за правой ногой, с которой штанина съехала на один сантиметр ниже. Серёжка, отдав приоритет левой, которая находилась ближе, ответил:

– Я знаю лишь его имя, номер машины, домашний адрес и телефон.

– Больше ничего и не надо.

Ольга решила уgomониться, чтобы Серёжка чего-нибудь не напутал. Тот взял со столика карандаш и тетрадный лист, на одной стороне которого был какой-то рисунок, и написал на другой его стороне всё, что перечислил. Кирилл убрал лист в карман и сказал:

– Давай сюда баксы.

С помощью Ольги, которая эротично встала на четвереньки и таким образом принесла аж двойную пользу, Серёжка смог вынуть две купюры из сумки под одеялом так, что его дружок не заметил прочего содержимого. На дискету, которую показали издали, Кирилл даже и не взглянул. Зато две купюры он очень долго тряс, мял, рассматривал на свет люстры, после чего убрал в портмоне и достал оттуда десять купюр по пятьсот рублей. Серёжка их быстро пересчитал и бросил на столик.

– Как быть со шпалером? – спросил он, и Ольга опять поймала себя на странности. Почему она до сих пор не выяснила, куда этот ненормальный дел пистолеты? Мало ли что! Может, у него хватило ума и их под подушку спрятать?

– Оставь себе, – предложил Кирилл, поднимаясь, – зачем мне палёный ствол? Просто так, конечно, его не вычислят, но если я им воспользуюсь, проведут экспертизу пули и чеха этого на меня повесят. Сейчас подам заявление, что волын у меня украли. Лучше бы его кинуть в Москву-реку от греха подальше, да чувствую – пригодится! Ты меня заинтриговал. Завтра позвоню. Всё, пока! Не скучной вам ночи.

Проводив друга до входной двери, Серёжка задал ещё вопрос:

– У тебя, случайно, презиков с собой нет?

– Не случайно есть. Сколько тебе дать?

– Чем больше, тем лучше.

– Ну, тогда – два.

– Скотина! Дай мне хоть пять!

– Да их всего шесть! На три.

Закрыв за Кириллом дверь и вернувшись к Ольге, Серёжка застал её за уродливым пожирающим истекающего майонезом Биг-Мака и ещё менее эстетичным сосанием через трубочку кока-колы. В пакете, который принёс Кирилл, было очень много чего ещё.

– Он дал три презерватива, – сказал Серёжка.

– Отлично! А к тебе Ирка, что ли, опять придёт?

Глава пятая

Приехав в ГУВД, Мельников столкнулся с приятелем из шестого отдела.

– Где тебя чёрт носит? – полюбопытствовал тот, – Руденко тут рвёт и мечет!

– Неудивительно! За такие пряники я бы раком полз до Китая, – ты знаешь, кто был этот чечен?

– Ну, чечен. Оттуда.

– Не просто оттуда, а от Удугова! Он большими деньгами ворочал здесь. А в августе девяносто шестого лично расстреливал офицеров в Грозном.

– Вот оно что! Тогда всё понятно. А я-то думал...

– Чего ты думал? О чём ты думал?

– Дай сигарету!

Мельников вынул из пиджака «Парламент». Закурил сам, угостил товарища. Тот спросил:

– Знаешь, кто сейчас у Руденко?

– Не знаю. Кто?

– Чекист.

– Настоящий?

– По крайней мере, ксива у него настоящая. Я не побрезговал её в руки взять, когда он у меня спрашивал, где Руденко.

– Угу. Понятно.

– А угадай с трёх раз, кого они ждут?

– Да мне наплевать, кого они ждут, даже если они там ждут именно меня! А начнут мне руки вязать – так я пойду к Прохорову и pošлю его прямым текстом на все три буквы! Тогда на эти самые буквы пойдут они.

Разозлённый Мельников все полкилометра по коридорам не шёл – летел. Встречные шарахались, так как знали: лучше попасть под КАМАЗ, нежели под Мельникова, который спешит выяснить отношения с руководством – собьёт, растопчет, а главное – не поверит, если потом ему об этом расскажут. Мало кто сомневался в том, что Мельников – псих, поскольку ничем иным нельзя было объяснить его сокрушительность: ведь при росте метр восемьдесят четыре он весил вместе с пистолетом килограмм восемьдесят, не больше. Его причёска, благодаря привычке ерошить волосы, не всегда соответствовала параметрам внешнего облика, которые он для себя избрал, когда понял, что деньги сами плывут в карманы дорогих смокингов.

Молодой лейтенант, бежавший навстречу Мельникову почти с той же скоростью, что и он, успел на бегу всучить ему какую-то карточку девять на двенадцать. Мельников запихнул её в карман пиджака, не глядя. Он знал, что это такое. Через десять секунд он уже влетал в кабинет своего непосредственного начальника, подполковника Руденко, который возглавлял убойный отдел Московского уголовного розыска. Подполковник, сидевший перед компьютером, встретил Мельникова небрежным взглядом поверх очков. За его спиной стоял невысокий, крепкий, короткостриженный мужичок в вельветовой куртке. Он не особенно превзошёл Руденко любезностью – лишь кивнул чуть заметно, после чего они оба опять воззрились на монитор.

– Всё, ничего больше на него нет, – произнёс Руденко, нажав десятка два клавиш, – курьер тогда отказался от показаний. Потом погиб в изоляторе. Да, на этом ниточка обрывается.

– Полагаю, вы о Шабанове? – догадался Мельников, садясь в кресло, – не трогайте его, он хороший! А главное – бестолковый. Именно он теперь перед выходом падишаха заводит для него джип – вдруг мина заложена? Других жалко.

– Я тебе не завидую, если ты позволил себе хотя бы малейшее хамство в адрес диаспоры, – проронил подполковник, не отрывая глаз от компьютера.

– Да я разве что не сосал у них! – оскорбился Мельников, – Алиханов с Шабановым и ещё тремя молодцами торчал в квартире буквально с того момента, как из неё труп вынесли! Под ногами путался, лез во всё. Орал, что и его тоже могут убить, кому-то звонил с лифтовой площадки. И я всё это терпел!

– Знаю я, сколько стоит твоё терпение! Что сказал Алиханов?

– Дал показания. А вы разве с ним не созванивались?

– Я? С какой стати?

– Не знаю, он всё ссылался на вас. И на кое-кого ещё. Я так понимаю, прокуратура ручонки тянет?

– Уже не тянет.

Ответив так, Руденко поморщился, снял очки и вяло прибавил:

– ФСБ возымело виды на это дело. Вот представитель.

Тут крепыш вышел из-за стола, приблизился к Мельникову, пожал ему руку и сел напротив него.

– Агеев. Денис. Я буду помогать вам, господин Мельников, если вы не особо против.

– Помогать? Чем?

Агеев располагающе улыбнулся, вызвав у Мельникова доверие – но, естественно, не к своей персоне, а к врачам ведомственной стоматологической клиники.

– Вам должно быть известно, что у нас есть огромная база данных на Рамиля Юсупова. Чем он тут занимался, вы тоже знаете. Его смерть была выгодна только тем, кто хочет войны. То есть, никому.

Тут уж улыбнулся и Мельников.

– Вижу, что вы меня понимаете вполне точно, – сказал Агеев.

– Ещё бы, как не понять! Я не первый год в дурдоме живу, а тридцать восьмой.

– Ну, тогда поправлюсь. Я не совсем точно выразился, сказав, что намереваюсь вам помогать. Вы будете решать все вопросы так, как сочтёте нужным. Никто не уполномочен вас инструктировать, потому что и здесь, и там, – чекист указал на окно к Лубянке, – убеждены, что в такого рода делах вы – вне конкуренции. Объясню мою функцию. Смерть Юсупова породила некоторые проблемы. И если их не решить, будет катастрофа. Действовать предстоит по ходу расследования, исходя из результатов каждого его этапа, о каких-то результатах моё руководство должно узнавать немедленно. Вот поэтому мне поручено принять непосредственное участие в расследовании. Подчёркиваю – пассивное.

– Я говорил с таксистом, который вёз Юсупова от «Беверли-Хиллз» до дома, – сразу перешёл к делу Мельников, решив все интересующие его нюансы выяснить без Руденко. Последний тут же сказал Агееву:

– Человек пятьдесят, включая Шабанова, видели, как Юсупов, выйдя из казино, брал такси. Один из свидетелей смог частично припомнить номер машины.

– А говорите, что с Алихановым не общались, – заметил Мельников.

– Что рассказал таксист? – спросил контрразведчик.

– На Смоленском бульваре Юсупов взял проститутку и вместе с ней вошёл в свой подъезд. У таксиста глаз оказался цепкий. Он хорошо запомнил её. Кудрявцев сюда его притащил и нарисовал фоторобот. Вот он.

Достав из кармана карточку, Мельников протянул её собеседнику.

– Таксист думает, что Юсупов её впервые увидел? – спросил чекист, взглянув на портрет и затем отдав карточку Руденко, который протянул руку.

– Да, он в этом уверен.

– Что говорят сутенёры? – спросил Руденко.

– Я ехал к ним, когда Прохоров меня вызвал. Чёрт, я забыл о нём! Побегу.

– Расслабься, он в министерстве. Двадцать минут как уехал.

Вскочивший Мельников вновь уселся и закурил.

– По месту происшествия что имеем? – спросил Агеев.

– Убийца стрелял из «Вальтера», а Юсупов – из «Парабеллума». Ни тот, ни другой ствол нигде ранее не светились. Внутривитинный сейф за шкафом открыт и пуст. В центре комнаты на полу валялись духи, помада, прокладки, тушь, пудра, презервативы. Женскую сумку вытряхнули, чтоб вынести в ней добычу. Ближе к дивану валялась целая сигарета, имеющая следы помады, а возле двери – треснутая дешёвая зажигалка. Она не принадлежала Юсупову, у него в кармане была другая. Под трупом, который лежал ничком вдоль окна, были обнаружены неплохие женские туфли тридцать восьмого размера.

– Какая-нибудь картинка сложилась?

– Киллер велел Юсупову открыть сейф. В нём был «Парабеллум». Юсупов успел пустить его в ход, но высоко взял, хотя он был профессиональный стрелок, с большим опытом. Эксперты убеждены, что он стрелял, уже падая.

– Значит, мы имеем все основания говорить о высоком профессионализме убийцы?

– Нет, не имеем, даже если рассматривать только выстрел, не принимая во внимание то, что во всём прочем он показал себя исключительным идиотом. Я кое-что понимаю в выстрелах. Технично загнать матёрому боевику, схватившему «Парабеллум», пулю между бровей – это, знаете ли, слишком красиво, чтобы быть правдой. Либо имела место случайность, либо Юсупову что-то вдруг помешало. Нет, вряд ли он погиб потому, что киллер превосходил его мастерством.

– Понятно, – проговорил Агеев, переглянувшись с Руденко, – значит, есть признаки, указывающие на то, что «Парабеллум» был в сейфе?

– Да, следы оружейной смазки на полке сейфа.

– Понятно. Что с отпечатками?

– Отпечатки с предметов из женской сумочки обнаружены на валявшейся зажигалке, туфлях и дверной ручке. На дверной ручке, дверной задвижке и туфлях имеются ещё одни отпечатки, также не идентифицированные по базе. Больше ничего интересного сообщить не могу насчёт отпечатков. Квартира принадлежит двоюродной сестре Юсупова. Она сейчас за границей. Связаться с нею не удалось пока.

Дотянувшись до пепельницы, стоявшей перед Руденко, Мельников бросил в неё окурочек. Потом он взял со стола портрет основной свидетельницы, и, сунув его в карман пиджака, продолжил:

– Таксист подвёз их к подъезду в три. В три ноль пять соседи по этажу услышали женский крик. Кстати, в холле обнаружена недокуренная сигарета с той же помадой, что и на сигарете в квартире. В три пятнадцать соседи сверху и снизу слышали звук, похожий на выстрел.

– Только один?

– Да, два выстрела прозвучали одновременно. Их слышали только три человека, которые не убеждены, что им не почудилось. Дом – элитный, с толстыми перекрытиями. Спустя приблизительно минут семь в холл вошли три лица кавказской национальности. Они начали долбить в дверь квартиры Юсупова и орать. Жильцы трёх других квартир их прогнали. О жильцах – всё. Теперь – что касается Алиханова. Надо?

Руденко начал перебирать какие-то документы, лежавшие на столе.

– Прошу вас, – сказал Агеев.

– Глубоко чтимый мною глава чеченской диаспоры господин Алиханов и господин Юсупов договорились встретиться у подъезда в три. Опоздав где-то на пятнадцать минут, Алиханов звонит Юсупову на мобильник. Юсупов не реагирует. Свет у него в квартире горит. Тогда Алиханов шлёт к нему трёх своих молодцов – узнать, что стряслось.

– Почему он сам не пошёл?

– Потому что он, в отличие от вас, полагал, что в смерти Юсупова кое-кто заинтересован и что его пасёт киллер, который мог оказаться в квартире. Мсье Алиханов – человек храбрый, но... Вы меня понимаете.

– Он не говорил, кто, на его взгляд, собирался убрать Юсупова?

– Полагаю, что Алиханов сам вам об этом скажет.

– Я знаю, что он мне скажет. Мне интересен ваш комментарий.

– Я комментирую факты, – возразил Мельников, – чьи-то соображения комментировать не хочу.

– Простите. Что было дальше?

Мельников не ответил. Агеев, видя его досаду, дал объяснения:

– Я непосредственно с Алихановым не общался. Он в шесть утра позвонил моему начальству и истерично изложил свою версию. Он боялся, что вы его арестуете.

– Глупцы всех считают глупцами, – вполголоса отозвался Мельников и продолжил рассказ, – Бойцы Алиханова возвратились к нему в машину. Он велел ждать. Через пять минут из подъезда вышли парень и девка. Под проливным дождём они не спеша, в обнимочку, без зонтов, миновали дом и свернули за угол. Парень был в джинсах, свитере и кроссовках, а девка – по виду, та самая проститутка, шла босиком.

– Обалдеть! – Присвистнул чекист, – а что на ней было?

– Блузка и юбка выше коленок. На плече – сумочка.

– А как выглядел её спутник?

– Тощий, ростом примерно метр восемьдесят – как и девка, кстати. Взъерошенный, длинноносый.

– Жильцов по этим приметам проверили?

– Проверяют, но это – мартышкин труд, идиоту ясно. Сразу после того, как парочка сгинула, Алиханов вновь велел своим ухарям попытаться войти в квартиру. И её дверь оказалась открытой, хоть восемью минутами раньше она была заперта. Жильцы соседних квартир также уверяют, что сразу после ссоры с кавказцами они заперли коридорную дверь. В течение этих восьми минут из подъезда вышли только те двое. Увидев труп, люди Алиханова возвратились к нему, и он позвонил в милицию. Наряд прибыл в три сорок пять. Я подъехал в четыре сорок.

– Благодарю вас, – сказал Агеев, и, вытащив телефон, начал набирать эсэмэску. Мельников сонно взъерошил волосы. Продолжая просматривать документы, Руденко молвил:

– Помню, в прошлом году солнцевская мафия наехала на чеченцев, желая отвоевать у них гостиницу «Редиссон Славянская». Юсупов предложил солнцевским отвалить. Они отвалили сразу. Думаю, что Юсупов...

– Благодарю и вас, – прервал подполковника контрразведчик, убрав мобильник. Руденко пожал плечами и снял очки, чтобы протереть их платком. Агеев поднялся.

– Ну, так давайте прокатимся к сутенёрам этой девчонки, – сказал он Мельникову, – едва ли она – свободный художник.

– Да, таковых на Садовом нет.

– Возможен ещё один вариант. Вы так не считаете? На мой взгляд, уж слишком она красивая, чтоб стоять у бордюра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.